

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132—2095

ОГОНЁК

№ 45

1980

Розалия ЕРМОЛЬЕВА

ЗАМАНИХА

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Розалия ЕРМОЛЬЕВА

ЗАМАНИХА

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Розалия ЕРМОЛЬЕВА

Розалия Михайловна Ермольева родилась в Волгограде. Училась в Саратовском строительном техникуме, в Уральском педагогическом институте имени Пушкина. Печататься начала в 1959 году, когда поступила в Душанбе в двухгодичный Университет рабочих и сельских корреспондентов при редакциях республиканских газет Таджикской ССР и Союзе журналистов Таджикистана.

Р. Ермольева — автор статей, репортажей в республиканских газетах. Ее первый рассказ появился в газете «Комсомолец Таджикистана» в 1959 году. С 1960 года рассказы Р. Ермольевой публикуются в областной, республиканской и центральной печати.

Розалия Ермольева — автор сборников рассказов: «Бабье лето», «Память сердца», «Прошла гроза».

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Весна в этом году выдалась неустойчивая. Лишь к концу мая потеплело немного, но по ночам все еще было прохладно. Деревья только-только начинали выбрасывать зеленый лист.

Осторожно, как бы опасаясь заморозков, зацвели яблони.

Хоть и привыкла Галина Викулова просыпаться на зорьке, но вставать в четыре часа каждый раз не очень-то хочется, а вставать надо. Издали уже доносится жалобное мычание коров.

До коровника рукой подать, метров двести, не больше. Главное — осилить тяжесть пробуждения, которая так и давит на веки, держит тебя в сонном состоянии.

Резко откинув одеяло в сторону, она спускает ноги на пол и, поевиваясь, прикрывает голые колени ночной сорочкой. Несколько секунд она сидит не шевелясь, потом рывком встает и, тихо ступая по скрипучим доскам пола, идет в соседнюю комнату. Небольшая пристройка к дому служит и кухней и прихожей.

Освежив лицо струей холодной воды, Галина промокнула его полотенцем, висевшим на крючке. Поставила на одну конфорку газовой плитки чайник, а на вторую — сковородку, на которой вскоре зашипела яичница.

Галина вышла на крыльцо. Зябкий ветерок хлестнул по лицу. Сбежав по ступенькам, она направилась к небольшому сарайчику, где на шесте сидело с десяток крупных рыжих кур во главе с черно-синим, с глянцевым переливом петухом.

Следом за ней в сарай вбежала небольшая дворняга с хвостом баранкой. Пес юлил у ног хозяйки, радостно повизгивая.

— Пошел, пошел! — ласково отгоняла женщина пса. — Сначала дадим зернышка нашим красоткам, чтобы они нас яйцами кормили.

Она вышла из курятника, выпрямилась и широким шагом зашагала в сторону коровника.

Судьба свела меня с Галиной Викуловой — мастером машинного доения — на торжественном собрании, посвященном

Международному женскому дню 8 Марта. Молодая доярка с увлечением рассказывала о своей профессии. Шутка сказать, обслуживать приходится по сто коров!

Стоит она на трибуне и, обращаясь в зал, говорит: «Дорогие товарищи! Я представляю сегодня здесь работниц сельского хозяйства Подмосковья. Женщин, чьим трудом добывается хлеб насущный и все, что ставится вместе с хлебом на стол и в будни и в праздники».

Галина — потомственная крестьянка, выбрала профессию, сходную с материнской: мать ее была телятницей.

Глядя на Галину Викулову, не скажешь, что эта молодая женщина имеет дело с коровами. Она скорее похожа на врача, учителя, актрису. Элегантный синий костюм, пышно взбитые волосы уложены в модную прическу.

Галина говорит о том, как прекрасно жить в стране, где самый скромный труд высоко ценится.

«Приезжайте к нам, загляните в дома культуры, в детские сады и школы, и вы поймете, что жизнь сельского труженика наполнена новым смыслом и содержанием».

Я задумалась о судьбе Галины Викуловой. Почему она выбрала такой нелегкий труд доярки? Чего греха таить, бегаёт подчас молодежь в погоне за «особой» романтикой, уходит из деревни в город в поисках «счастья», не замечая, что романтика была совсем рядом.

Жалко иногда смотреть, как некоторые крестьянские парни и девушки бросают родные края, привычное с детства дело, устремляются в кипучий водоворот большого, незнакомого города за «красивой» жизнью. А случается, может быть, и не по их вине, из-за недостаточной подготовки в школе, провал на экзаменах в институт — и в итоге любая подвернувшаяся работа. Но время бежит, надо подводить итог жизненного пути, а его-то и нет.

Сколько золотых рук отрывается от земли! Учиться в городе — это хорошо! Только не дайте земле остыть, отдайте ей свои знания, силы, дыхание. Нет, я не против того, чтобы молодые достигали большего, чем их отцы и деды. Разве Галина не переросла своих родителей? Да еще как! И таких немало...

Недавно встретилась я со старым знакомым, приехавшим в командировку из Молдавии. Вспомнили послевоенные годы, когда, уставшие, голодные, валились с ног, восстанавливая разрушенное войной хозяйство. Возвращались домой, варили на вуде мамалыгу и запивали добрым домашним вином.

— А как сейчас? — спросила я.

— А что сейчас? Про мамалыгу давно забыли. Свадьбы и те в ресторанах справляют, отходят от дедовских традиций, когда любая свадьба была праздником для всего села.

Теперь в деревне кирпичные дома построили. Забрался колхозник на четвертый этаж, а много ли там вина надавишь?

Едет парень или девушка поступать в сельскохозяйственный институт, а как корова телится, не знает. Многие теперь на селе не обременяют себя личным хозяйством: ни коров, ни поросят, ни кур не держат.

А раньше? Хоть какую-то живность, да держали. Если свинья пороситься начнет или корова телиться, вся семья — от малого до старого — в хлеву толпится, все при деле, никто грязной работой не брезговал.

Что дома хорошие построили — это здорово. Тут тебе и вода, и газ, и телевизор. Я не против. Но будь же человеком, отработай за все это, земля ждет тебя! А то ведь что получается? Дошли до того, что за морковкой в город на базар автобусом ездят, мясо из города везут, а горожане от нас его дожидаются.

Сейчас ведь не то, что раньше было. У колхозников, как и в городе, денежная оплата труда. Так засучи рукава и работай! К тому же в своем дворе, если есть усадьба, поросят да кур разведи — и будешь с мясом. Правда, для этого зад пораньше поднять надо, а лень!

Вот что я тебе скажу: много белоручек развелось. Бегают, как мыши, из государственного амбара норовят в свои норы добра побольше натащить... За счет другого хотят обогатиться.

— Ну не все же так! — возразила я.

— Ясно, не все. А могло быть меньше.

Я рассказала ему о Галине Викуловой, о том, что собираюсь поехать к ней, познакомиться ближе с ее работой.

— Что ж, дело хорошее. Вам, городским, все в диковинку, а я у себя дома посмотрелся и на передовых и на отстающих.

До совхоза «Ямской» ехала не спеша. Любовалась новыми застройками микрорайонов. Вытянувшиеся вдоль шоссе на целые кварталы белые многоэтажные корпуса домов напоминают огромные корабли. Они все дальше и дальше уходят от центра города, наступая на Подмосковье.

Галину застала в кабинете секретаря парткома.

— Чем могу быть полезен? — спросил секретарь, крепко пожав мою руку.

— Я, собственно говоря, к Викуловой приехала.

— Считайте, повезло. Она у нас сегодня приболела, а то укатила бы на районное совещание молодых животноводов. Хотим поговорить с молодежкой об утечке кадров.

— Вопрос важный, — согласилась я. — А чем болеем? — спросила я Галю, сидевшую, неестественно вытянувшись и прижавшись к спинке стула.

— Радикулит прихватил!

— Рано бы. Это болезнь стариков, — улыбнувшись, заметила я.

— Оно конечно. Да только у нас сквозит в коровнике отовсюду, — ответила Галя.

В кабинет вошел высокий, ладно сбитый молодой человек.

— Знакомьтесь, наш комсорг. Посылали на учебу, вернулись инженером, а комсомольцы возьми да выбери его своим вожаком. Честно говоря, у нас по этой линии работа была запущена. Сейчас начинает понемногу оживать.

Недостатки у нас и другие имеются. Главная трудность с кадрами. Дворов много, а работающих мало. Большинство домов как дачи держат: на зиму забивают двери, окна — и уезжают в город. Столица многих привлекает. Оно понятно, рабочие руки и там нужны.

— Значит, текучесть одолела. Город городом, а что же здесь людям жить мешает?

— Вы правы. Причины имеются, и главная заключается в жилищном вопросе.

— Кто же мешает строиться?

— Застройка у нас запрещена. В давние времена здесь камень добывали для строительства Москвы белокаменной. Вон и церквушка-развалюшка, что за рекой стоит, из этого камушка сложена. Начали школу возле правления строить и обнаружили пещеру. Подвальные перегородки завалились, пришлось специальным раствором заливать. И так везде, где ни копни. Стоял вопрос о переселении нашем. Жаль, директор в отъезде, он бы подробнее рассказал.

— Да я приехала с Викуловой поближе познакомиться. К вам как-нибудь в следующий раз, не все сразу.

— А если что, я к вашим услугам...

Мы вышли из правления. По дороге к коровникам Галя рассказывала о своем хозяйстве:

— На четырехста коров имеем четыре загона. Тесновато, конечно. Предстоит ремонт, перестройка. Не представляю, как летом доить будем. Обещали привезти передвижные площадки с доильными установками.

— А каким оборудованием сейчас пользуетесь?

— Нашим, отечественным. «Тандем» называется.

— И как, устраивает вас?

— Я больше «Елочку» предпочитаю. Ею свободно можно обслуживать восемь коров.

Вошли в коровник. Под ногами сыро, на стенах грязные пятна: не одна корова бока почесала. Под потолком щебечут, порхая, залетевшие воробьи. Видно, они здесь и зимовали.

Честно говоря, я ожидала увидеть другое. Ставить рекорды в таких условиях, конечно, нелегко.

Перехватив мой взгляд, Викулова заговорила:

— Ремонт нам вот как нужен! Когда строили, не предусмотрели сток, вода задерживается, в загоне сыро. Изваляются коровы в грязь, потом отмывать их надо, а на все время уходит. Есть разница — чистое вымя обмыть или грязное.

Похвалиться ей здесь было явно нечем, а в перспективе перед доярками стоят новые задачи — не по сто, а по двести коров обслуживать.

Помесили мы грязь в коровнике и, понурые, будто виноваты в этом, вышли на улицу.

— Скажите, Галя, располагаете ли вы сейчас свободным временем?

— Да. Ходила на укол, выписали больничный... Пойдемте к нам, — предложила она.

От фермы до дома было недалеко, вот только дорога словно свиньями изрыта или трактором разворочена. После дождя по такой лишь в резиновых сапогах пробраться можно.

Пока шли, Галя рассказывала о хозяйстве. Главным образом оно молочного и картофелеводческого направления. Земли для выпаса небольшие, а отсюда и с кормами трудности.

День был весенний, солнечный. На улице возле домов сидели на скамейках старушки и с любопытством поглядывали на нас. Своих-то они всех знают, а тут незнакомая появилась, кто бы? Многие здороваются, как в деревне это принято.

Подошли к дому Викуловой, поднялись на крыльцо. В доме шумела детвора, взрослые готовили обед.

— У вас гости или все одна ваша семья? — поинтересовалась я.

— Старший брат с женой приехал, да сноха, жена младшего брата, меня дожидается. Эти здесь же живут и работают. Сначала я сюда приехала, а за мной младший брат с семьей переселился.

Поздоровавшись со всеми, мы прошли в комнату. Галя предложила сесть на диван. Я осмотрелась. Телевизор, радиопластинки, множество пластинок. Над кроватью и диваном висят ковры. У окна письменный стол, рядом с диваном шифоньер,

в углу, у стены, обеденный стол. На окнах — занавесочки. Чистенько, но немного тесновато.

В комнату вбежали две девочки: одной годика три, вторая постарше, и, как свойственно детям, уставились на меня.

— Моя младшая дочь Людочка.— Галя прижала к себе ту, что была постарше, светловолосую, с большими карими глазами.— А старшая, Таня, в школе.

— Сколько же им?

— Татьяне одиннадцать, а Людмиле семь. А эта малышка — братова дочка, племяншка моя.

— Как я поняла, вы не здешняя?

— Нет. Свердловские мы.

— Значит, вышли замуж и переехали в эти края?

— Опять не угадали. Совсем все наоборот. От мужа я уехала. Взяла детей и уехала.

— Неужели таким уж плохим оказался, что рискнули с двумя детьми от мужа уйти?

— Не получилось у нас с ним,— вздохнула Галина.— Одним словом, все...

— Скажите, Галя, а почему вы выбрали именно это место, как я посмотрела, оно далеко не из лучших?

— Да я и не выбирала. Не было у меня выбора. Сами понимаете, двое детей, а оставаться там больше не могла. А тут на конкурсе — я ведь еще в Свердловске чемпионкой России стала — мне присоветовали в Московскую область поехать. Сказали, что моя профессия и там нужна, я и решилась.

— Когда вы на торжественном собрании говорили о крестьянской потомственности, я подумала, что вы местная, окончили школу и остались в родном совхозе. А выходит, у вас намного сложнее все получилось.

— Уральские мы. Родилась я в Свердловской области. Что касается потомственности, то все верно. Рано мама у нас овдовела, на руках у нее четверо нас: два брата и я с сестрой. В молодости мама дояркой была, а в последние годы в телятницы перешла. Вся наша семья в сельском хозяйстве трудится.

С детства я помогала телят пасти, а подросла, коров доверять стали. Поселок наш был большой, хозяйство отличное. Все мне вроде бы нравилось, а вот не сразу после школы дояркой стала. И меня, как многих, ко всему тянуло. Года четыре на разной работе себя пробовала, а потом поняла, что только на ферме чувствую себя как дома, уверенно, все близко мне и понятно. Бросила все и подалась в родной совхоз.

Все шло хорошо, если бы не муж. Я даже в техникум экзаме

у меня всего один адресок подружки Любы, по нему я и приехала сюда.

Сразу мне здесь все понравилось: и лес, и речка, и школа, и до Москвы недалеко. Дали мне вот эту квартиру, точнее сказать, комнату, а в пристройке кухню смастерили. Паровое отопление подведено, электричество, водопровод, газовая плитка на баллончике работает, а что мне еще с детьми нужно? Обещают скоро в другой дом перевести, сидим, как говорят, на чемоданах.

— Галя, вы говорите, что вам все здесь нравится. Это хорошо. Извините меня за нескромный вопрос: а сколько вам лет?

— Двадцать девять, — с едва уловимой заминкой ответила Галя.

— Я думала — меньше. И поверьте, это не комплимент.

Высокая, стройная, в туго облегающей юбке и модной водолазке, она выглядела моложе своих лет. Там, в зале, когда она выступала на трибуне, мне и в голову не могло прийти, что у нее двое детей.

— Расскажите, пожалуйста, а как сложилась судьба подружек, с которыми учились?

— Половина класса дальше учиться стала, другие на разные работы подались, кто на кондитерскую фабрику устроился, кто в бухгалтеры пошел. Из класса, кроме меня, в сельское хозяйство никто не решился. Рядом город, туда всех и тянет. В нашем селе больше приезжие работают, видно, подобное положение во многих местах... Не сложились бы у меня такие семейные обстоятельства, никуда бы я не уехала. Условия на работе были хорошие. Село большое, клуб, столовая, магазин самообслуживания.

— Значит, все хорошо, а молодежь, как и здесь, уезжает в город. Почему, как вы думаете?

— Я вам вот что скажу. На заводе работают от звонка до звонка. Отработал восемь часов — и все. А в сельском хозяйстве как, какой распорядок?

Встаю я в четыре утра, отдоила — и в десять снова дома. Кажется, свободный день, а распорядиться им, как хочу, не могу. Разные домашние дела набегают, а надо часа два для сна выкроить — утром ведь недоспала, а вечером снова дойка, глядишь, и опять с коровами до десяти провозишься. Ведь их по часам и доить, и кормить, и погулять выгнать надо.

До меня здесь одна доярка была, раньше поваром работала, да вот захотела много зарабатывать. На денешки многие заглядываются, а работать не все могут, ну и сбежала она. Не каждый на нашем месте выдержит.

В комнату постучали. Галина встала с дивана и вышла в прихожую. Вскоре вернулась, достала из шифоньера небольшой сверток и, отдав его кому-то за дверь, вошла в комнату.

— Извините, пожалуйста. Я тут как-то в город ездила, купила кое-что снохе.

Галина присела рядом со мной на диван и стала растирать одну руку другой.

— Побаливают, — смущенно проговорила она. Потом, как бы вспомнив, о чем мы говорили, продолжила. — Поначалу я и сама не могла привыкнуть к своей работе. Все ж таки имеешь дело с коровой — живым существом, которое свой норов имеет. Но ничего, привыкаем, узнаем характер каждой, находим подход.

— Сколько же вы зарабатываете?

— Оклад у нас зависит от класса. Я, как мастер первого класса, до двухсот рублей зарабатываю. Для женщины, считаю, хороший заработок. Если не боишься работы, у нас можно работать и деньги хорошие получать. Даром их никому не дают.

— А где вы обучались мастерству быстрого доения?

— Многому научилась у себя дома, в родном совхозе. Там, как приходишь, тебя к лучшей доярке на обучение ставят, а весной на курсы. Затем конкурсы, соревнования проводились на самом высоком уровне. Хорошие у меня наставники были. Я ведь сюда уже мастером первого класса приехала.

— А у вас есть ученицы?

— Конечно. Вот Люба. Сначала у меня обучалась, потом на курсы послали, теперь она мастер машинного доения. Захочет, может дальше расти, сдаст на второй класс, потом на первый... Да я и сама стараюсь не отставать... В семьдесят седьмом на ВДНХ чемпионом страны стала. ЦК ВЛКСМ присвоил мне звание «Мастер — золотые руки».

Пока мы разговаривали, пришла из школы старшая дочь. Вот уж вылитая мать: высокая, темноволосая, сероглазая. Обнялись и стоят как подружки. Дочь шепнула что-то на ухо матери и, взяв хозяйственную сумку, побежала в магазин.

— Помощница моя явилась. Пятерку получила сегодня, — не без гордости за дочь сообщила Галина и захолопала у стола.

Постелила скатерку, поставила в вазочках брусничное и ежевичное варенье, расставила чашки. Разливая чай, хвалила своих девочек.

— А не трудно вам одной, без отца, их воспитывать?

— Сначала страшновато было, а потом привыкла. С работы спешу домой, редко ощущаю одиночество. Вроде все нор-

мально. Иногда обидно бывает, когда сболтнет кто лишнее. Разные ведь люди. Одни судят за одиночество, другие за то, что в город часто ездить стала. А меня то сюда, то туда вызывают. Часто выступить просят, поделиться опытом скоростного доения.

— С мужем сходитья не собираетесь?

— Разбитое корыто не склеишь. Сходитья не собираюсь и нового заводить подожду.

— Дети об отце не вспоминают?

— А что им вспоминать-то?! Младшая как-то спросила: «Помнишь, мама, как к нам милиционер приходил?» Только и запомнила милиционера.

— Пил, что ли?

— Ну кто не пьет! Да только меру знают. Одни и много выпьют, но как-то тихо, спокойно... А этот такого шума наделает, весь дом на ноги поднимет. Последний раз дверь вместе с рамой вышиб. Много я ему из-за детей прощала, да не выдержала его буянства и придирок.

Галина говорила спокойно, не лила слез. Сильный характер, настоящий уральский.

— Скажите, чем любите заниматься в свободное время?

— Вязать люблю, все больше для девочек. Музыка, песни. Пластинок у меня много, да слушать некогда...

В углу за диваном я заметила доильный аппарат. Галя перехватила мой взгляд.

— Я ведь инструктор, «корочку» имею — удостоверение. Приходят ко мне доярки, которые хотят классность поднять. На ферме недосуг, так вечерами приходят. Вот и занимаемся: собираем, разбираем в последовательности, на время тренируемся.

Она достала аппарат, положила рядом с собой на диван, не спеша провела по нему рукой.

— Аппарат отечественный, хороший. «Майга» называется. — И она вновь погладила его. — Если бы здесь такие корма были, как в Свердловской области, большие надои получали бы, а с соломы много не выжмешь. Там солома только на подстилку шла. Я первое время просто удивлялась, как это ее коровы едят!

— Значит, плохо у вас с кормами?

— Не хватает. Спасибо, «Заря коммунизма» выручает.

В комнату заглянул брат, тот, что в гости приехал. Он сел за стол, налил себе чаю и, по-доброму улыбаясь, отхлебывая из стакана чай, стал рассматривать меня. Видно, ему было приятно за сестру, настолько известную, что к ней из столицы журналисты приезжают.

— Не смаят вас родственники обратно в родные края? — спросила я Викулову. — Там и корма лучше и условия...

— Да нет, здесь тоже неплохо, — ответила Галина и посмотрела на брата. — Работа везде одинаковая, а условия — дело поправимое. Скоро меньше станут люди кочевать. Ведь у сельского жителя душа всегда к земле тянется. И ничем эту тягу не пересилишь...

МАРИНКИН ВЫБОР

Маринкины родители разошлись окончательно. Оставался один нерешенный вопрос. Игорь Якушев, отец Марины, настаивал на размене однокомнатной квартиры.

Девочка, играя с куклой, молча наблюдала за перебранкой родителей. Она пыталась понять, как будут делить на троих одну комнату с кухней, да еще поровну.

Для нее, в ее шесть прожитых лет, такое деление казалось невозможным. Вот если бы было три комнаты, тогда другое дело, все получилось бы просто, как с тремя яблоками: одну комнату маме, другую папе, а третью ей, Марине.

Светлана, мать Марины, не соглашалась с Якушевым — так стала она называть мужа после развода. Квартира небольшая, и разменять ее практически трудно. Она зывала к совети мужа, ради дочери, но Якушев был неумолим.

Марина смотрела на отца широко раскрытыми глазами, и ей было жаль его. «Куда же он пойдет, где жить будет, не на улице же?»

В этот миг она совсем забыла, как недавно отец пришел домой в негрезвом виде и долго барабанил носком ботинка в дверь. Проснувшись, Маринка плакала от испуга и говорила: «Мамочка, открой двери! Разве хорошие люди так поступают? Сейчас же ночь, пусти его, мамочка, он больше не будет».

Когда щелкнул замок, отец ввалился в квартиру, набросившись на жену, схватил за длинную, растрепавшуюся во время сна косу, стал таскать по комнате. Маринка спрыгнула с кровати и, подбежав к отцу, вцепилась зубами в его руку.

Потасовка была прервана. С тех пор Марина не видела отца таким разъяренным.

Спать она стала с матерью на раскладушке, где раньше спала одна. Это был не сон, а одно мучение. Всю ночь, не ворочаясь, лежали они на одном боку, плотно прижавшись друг к другу. Прислушивались к храпу отца, спокойно почивавшего на кровати.

После той ночи несколько раз приезжала бабушка, мать Светланы. Она ругала дочь, в чем-то упрекала зятя. Якушев хотел — приходил домой, а хотел — и вовсе не являлся.

Сегодня он зашел за вещами и возобновил разговор о жилплощади. А делить было действительно нечего. Общая площадь всей квартиры составляла двадцать один квадратный метр.

Все имущество состояло из кровати, шифоньера, стола с четырьмя стульями да раскладушки, на которой спала Маринка после того, как выросла из детской кроватки.

Наконец Якушев заметил сверкающие глазенки дочери, что-то в нем шевельнулось, и, махнув рукой, он заявил:

— Ладно! Все в ее пользу оставляю.

Он встал со стула, подошел к шифоньеру, снял с него чемодан и стал бросать туда рубашки, белье, галстуки... Громко хлопнул крышкой, застегнул чемодан на замки и, ни с кем не простившись, вышел из комнаты.

Светлана, застыв, сидела за столом. Потом обхватила голову руками и разрыдалась. Никогда ей не было так горько и обидно. Маринка тихонько стояла за ее спиной, ожидая, когда мать выплечется, и совсем по-взрослому заметила:

— Сама выгнала, а теперь плачешь!

Детский упрек кольнул прямо в сердце. Светлана резко повернулась к дочери, прижала ее тельце к себе, прошептала:

— Прости меня, доченька! Я не могла иначе. Когда-нибудь ты все поймешь. — Она стала целовать ее в глаза, щеки, лоб. — А теперь пора спать.

...В тот вечер Светлана вернулась домой не одна. Открыв дверь своим ключом, она старалась затащить кого-то в прихожую, но стоявший за дверью сопротивлялся.

Родители еще не спали, смотрели телевизор. Прислушавшись к возне у двери, Александра Ивановна, мать Светланы, окликнула:

— Света, это ты?

— Я, мамочка. Только не одна.

— Так идите сюда! Мы с папой телевизор смотрим.

Дверь захлопнулась. Наступило короткое молчание, потом зашуршали плащи. В прихожей раздевались.

Наконец Светлана вошла в комнату за руку с молодым человеком. Мать отметила про себя: «Красив».

— Здравствуйте, — смущаясь, произнес он.

— Здравствуйте, — растягивая слово по слогам, ответила Александра Ивановна. — Петенька, — обратилась она к мужу, — у нас гость, — и дернула мужа за полу пижамы.

— Ах, да! Извините, мы не ожидали... Я сейчас переоденусь.— И он скрылся в соседней комнате.

Александра Ивановна, поднявшись с кресла, подошла к дочери и с любопытством стала разглядывать гостя.

— Мама, это Игорь Якушев, о котором я тебе рассказывала. На улице дождь, я уговорила его зайти к нам.

— Очень хорошо сделали. Я поставлю чайник, согреетесь. Проходите, садитесь.— И она вышла на кухню.

— Я говорил тебе, что уже поздно,— почему-то шепотом произнес Игорь.

— Мои родители ложатся спать, когда кончатся передачи по телевизору. Раз телевизор работает, значит, еще не поздно. И наконец рано или поздно, но знакомство с ними должно было состояться,— сказала Света.

Они встречались около года. Между собой все решили, но Игорь оттягивал встречу с родителями Светланы.

Он окончил инженерно-строительный институт и уже несколько лет работал в одном из строительных управлений. Лет ему тридцать, рост выше среднего, лицо смуглое. Из-под густых черных бровей выглядывают темно-карие глаза, беспокойно бегающие с предмета на предмет.

Облик Светланы соответствовал ее имени. Белокурая, с длинной косой, голубоглазая, белокожая, с ярким румянцем. Секретов от матери она не держала и давно рассказала ей о своей любви.

Мать не возражала, понимая, что девушке не следует засиживаться в невестах, но тем не менее взяла с нее слово, что не сделает решающего шага, пока не получит диплом.

Светлана сдержала слово. Диплом у нее в кармане, а заодно и направление на работу терапевтом в районную поликлинику.

— Вот я и выросла! — заявила Светлана родителям, когда принесла диплом домой.— Если мне доверили судьбы людей, то свою я вправе решать сама!

По тому, как она уверенно вела Игоря домой в поздний час, нетрудно догадаться, что разговор будет серьезный.

Молодые люди молча сидели на диване и поглядывали на телеэкран, пока Александра Ивановна готовила чай.

Сменив пижаму на костюм, в комнату вошел отец Светланы. Игорь встал с дивана.

— Ну, что же, давайте знакомиться. Петр Борисович Громов.— И он крепко встряхнул руку Игоря.

— Игорь Якушев. Инженер...

— Знаем знаем, — прервал его Петр Борисович. — Светка нам все о вас доложила. Садитесь к столу, чай пить будем.

Александра Ивановна принесла чайник, поставила вазочку с вишневым вареньем и тарелку с домашним печеньем. В этом доме предпочитали все домашнего приготовления. Хозяйка не только любила, но и умела хорошо готовить.

— Жаль, что не знали о вашем приходе, а то бы пирог с яблоками испекла. Он у меня слоеный, фирменный.

Светлана помогала расставлять чашки и радовалась в душе, что у нее такие гостеприимные родители.

— Светлана говорила, что вы живете в Москве один.

— Да. Мои родители в Курске. Тут я снимаю комнату у одной одинокой женщины.

— Что же вам площадь не предоставляют? — поинтересовалась Александра Ивановна.

— Стою на очереди. Обещают не раньше, как через год.

Разговор шел больше о квартирных делах, а матери хотелось бы услышать о его планах в отношении семьи. Светлана с характером, раз уж привела его в дом, значит, дело зашло далеко.

Познакомились они на свадьбе у подруги: оба свидетелями были. Девчонки сразу заметили, что он к ней равнодушен. Сама же она видела в нем старшего товарища не только по годам, но и по жизненному опыту. В нем она примечала самостоятельность, бережливость, иногда доходившую до скупости, и тогда Светлана смеялась: «А часы вы на ночь не останавливаете?»

Пришло время за дипломную работу садиться, встречаться стали реже. После защиты вновь на свидания бегать стала...

Игорь пил чай и хвалил варенье. Александра Ивановна решила идти в наступление.

— Где же вы жить будете, если жениться надумаете? — прямо спросила она.

Не успел Игорь ответить, как Светлана выпалила:

— Пока у нас. Вот здесь, на диванчике.

Отцу не понравилась поспешность дочери. То ли в шутку, то ли всерьез он спросил:

— Это что же, вы вдвоем решили или одна за всех? Как все у вас просто получается! Сегодня вы к нам въедете, завтра дети появятся, а мы, старики, уже не в счет, с нами и не советуются. Все, что за долгую жизнь наживали, вот так возьмем да отдадим вам за просто! А сами на кухню переберемся или в коридоре на диванчике пристроимся...

— Папа, зачем же так? Мы же временно. Не прогонишь же ты родную дочь на частную квартиру! — обиженно проговорила Светлана.

Отец с матерью переглянулись. Александра Ивановна посмотрела удивленно на дочь, потом на Игоря и тихо, как бы боясь спугнуть кого-то, спросила:

— Вы что, серьезно хотите пожениться?

— Петр Борисович, Александра Ивановна, я и Света любим друг друга и хотим просить вашего согласия на наш брак. Вопрос с жильем я как-нибудь улажу.

Светлана встала рядом с Игорем и вопросительно посмотрела на мать, ожидая поддержки.

В комнате воцарилась тишина. Происходил немой диалог. Мать смотрела на мужа, как бы спрашивая: «Как?» В Петре Борисовиче боролось мужское самолюбие, чувство ревности к чужому для него человеку, который пришел, увидел и хочет увести его дочь. Игорь Якушев с гулким биением сердца ожидал ответа. И только Светлана, хотя и загорелась ярким румянцем от слов отца, знала, что родители согласятся.

Наконец Петр Борисович взглянул на дочь и, твердо положив свою широкую рабочую ладонь на стол, так, что чашки в блюдах вздрогнули, чеканя каждое слово, проговорил:

— Решай, Светлана, сама! Тебе с ним жить, ты его лучше нас знаешь. А ты, — обратился он к Игорю, — запомни: дочку в обиду не дам. Говоришь, любишь, так чтоб на всю жизнь, как у нас с матерью!

Свадьбу сыграли не в ресторане, как теперь модно, а домашнему, в квартире Громовых. Приехали мать с отцом и сестренка Игоря, пришла его тетка с мужем, со стороны Светланы — свидетели новобрачных да две подружки по институту.

Вот уж где Александра Ивановна блеснула своим кулинарным мастерством! Гости ели да похваливали.

Молодежь танцевала под радиолу — кто в спальне, кто в прихожей. Квартира малогабаритная, широко не размахнешься.

Старшее поколение занималось обсуждением житейских проблем. Одни предлагали сложиться на кооперативную квартиру, другие — ждать, пока подойдет очередь и дадут на работе, а деньги всегда найдут свое место.

Наступило время гостям расходиться. Все под конец немного захмелели. Да и как же может быть иначе на свадьбе! Отец Светланы раздобрился, стал убеждать зятя, что с квартирой поможет. Не дадут зятю, так он у себя на работе по-

хлопочет. Сорок лет проработал на одном заводе и никогда ничего не просил. Живут они в квартире, что от родителей жены осталась. Скоро ему на пенсию выходить, вот и попросит, как ветеран труда и участник Отечественной войны, улучшить жилищные условия.

— А на первую ночьку пусть пошлет вам бог сына или дочку! — торжественно произнес он. — Укладывайтесь на нашей фамильной кровати. Мы с матерью на диванчике молодость вспомним, а гостей дорогих на раскладушках пристроим.

Молодожены спустя несколько дней вернули кровать родителям, а сами перекочевали на диван. Александра Ивановна стала было отказываться от кровати, на которой проспала четверть века, но Петр Борисович возразил:

— Кончился медовый месяц, пора и нам на перинке бока погреть.

Диван-кровать на день складывать не стали. Светлана, набегавшись по вызовам на своем участке, приходила уставшая и валилась на нее в ожидании мужа.

Игорь являлся с работы не всегда вовремя. То собрания, то сверхурочная работа по заданию шефа, то мальчишники по случаю очередного отпуска. Предлоги находились, а Светлана устраивалась с родителями у телевизора, как в былые времена.

Однажды Светлана, наклонившись к мужу, прошептала на ухо:

— Кого ты хочешь, мальчика или девочку?

Игорь растерянно посмотрел на нее.

— У нас будет ребенок, — тихо проговорила Светлана и еще крепче прижалась к нему.

Игорь не выразил особой радости, сжал узкую ладонь Светланы в своей крепкой руке и подмигнул ей: крепись, мол.

После этого разговора Игорь как-то изменился. Стал несдержан в словах, замкнулся в себе, о работе ни звука и самочувствием Светланы не интересуется.

Недели через две Светлана поделилась с матерью.

— Доченька, может, он против, что у вас будет ребенок?

Светлана не выдержала, расплакалась и рассказала весь недавно состоявшийся разговор. «Какие дети, — сказал Игорь, — когда мы сами на положении детей живем у твоих родителей! Обещал отец помощь, а где она? Придется мне перебираться к старой хозяйке, хорошо, что она еще никого не пустила, а тебе здесь жить. С ребенком не очень-то охотно сдают угол. Сама понимаешь, пеленки, плач по ночам, кому такое понравится».

Разговор между дочкой и зятем не пришелся по душе Петру Борисовичу.

— Здесь что-то не то. Если уходить от нас, то вместе, а его одного к старому гнезду потянуло.

Светлана с характером, вмешиваться в их дела родителям не разрешила:

— Сама привела его в дом, сама и разберусь.

Отец потихоньку от дочери стал утрясать дела. То в местном заглянет, то в партком. До директора дошел. Как не пойти, семья из-за квартиры рушится, а скоро ребенку быть. Выслушал его директор внимательно. В Медведкове как раз дом заселяли, вот и дал ветерану из директорского фонда однокомнатную квартиру.

Из мебели купили самое необходимое. Перевезли на новую квартиру, а вскоре и Маринка появилась. Бабка с дедом души в ней не чают, словно вновь молодыми стали. Маринка-то — копия Светки. И зачастили к внучке по очереди, а в выходной день и оба прикатывали.

Через год внучку в ясли отдали, Светлана на работу вышла. И опять новые заботы. Как ни придут родители, а там уже гости: то свекровь, то сноха, а то и просто земляки Игорь заявятся.

Светлана после работы за продуктами по магазинам набегаются, придет, всех кормить надо, а Игорь требует, чтобы как положено было, с вином и закуской. Его родственники, мол, не хуже других.

Да уж где там хуже! Тюки за день набьют, чуть ли не пол-Москвы скупят. Видать, деньги, что сыну на квартиру сулили, в ход пустили да и сыночку на карманные расходы подбрасывают. А он их все чаще с друзьями в ресторане просиживать стал.

Долго скрывала Светлана от матери, что живется ей невесело, а тут еще между нею и мужем черная кошка пробежала в образе квартирной хозяйки, у которой Игорь проживал. Разные слухи доходили до Светланы, только верить всему не хотелось.

Свои похождения Игорь сценами ревности прикрывать стал. «С большой головы да на здоровую свалить хочешь! — отговаривался он. — Сама по квартирам ходишь, где, между прочим, не только женщины болеют, но и мужички, случается. Не все же они пенсионеры. Наедине все что угодно может быть!»

Слушала, слушала Светлана, как он свою грязь на нее переливает, и не выдержала. Врезала ему пощечину — так, что у самой рука загорелась. Неделю не приходил Якушев домой.

Все это время у «хозяйюшки» утешения искал. Ее Светлана не винила. Каждая женщина в ласке нуждается, а одинокая тем более. Но как он мог?!

И пошла у них жизнь в разные стороны, и не год и не два. Маринка из яслей в детский сад перешагнула. Осенью в школу пойдет. Вот там-то и встанет большой вопросительный знак: «Кто твой отец?»

Давно видит ребенок, что в доме не то, что было раньше. Отец перестал водить ее в садик, мать недобрая стала, на время разговора отец с матерью ее во двор погулять отправляют.

Трудно Маринке разобраться, кто из них прав. То одного, то другого жалко. Провожали как-то бабушку, и, пока автобуса дожидались, Светлана с матерью заговорились и не заметили, как Маринка отошла от них в сторонку и стоит, понунив голову.

— Мариночка, иди к нам! — позвала бабушка.

— Мне надоело слушать, когда вы о папе говорите, — обиженно ответила Марина.

Очень часто взрослые, погружаясь в свои жизненные неурядицы, забывают о том, что рядом с ними живет, ко всему присматривается и прислушивается маленький человек.

Дети по природе своей очень наблюдательны, видят и слышат даже тогда, когда, казалось бы, и не обращают на вас никакого внимания, занимаясь только своим делом. Они, как рентгеновскими лучами, пронизывают вас насквозь, замечая изъяны, а вот поставить точный диагноз не могут.

То же самое творилось и с Маринкой.

Ушел отец из дома, и ей, как никогда, захотелось, чтобы он был. С завистью стала посматривать на детей, идущих по улице за руку с отцом. «Подумаешь, воображала!» — решает она про себя, глядя на сияющего карапуза, шагающего в ногу с отцом.

Однажды в субботу она упростила мать взять ее с собой на участок — вместо прогулки. По дороге Маринка подробно расспрашивала, к кому они идут и есть ли там дети.

В другой раз, уходя от больного, который оставался в квартире один, она спросила:

— Дядя, а вы любите детей?

С тех пор мать стала оставлять Маринку дома. Та не стала упрашивать мать, но с детским лукавством и хитростью принялась подыскивать себе отца. Ходит и присматривается ко всем, а если удавалось с кем-то разговориться, то обязательно не упустит случая спросить: «А у вас есть дети?»

После развода дочери Александра Ивановна стала прихварывать. Реже ездила к внучке. На день рождения девочки они решили с дедом сделать Марине подарок, но не какую-то куклу — их у нее достаточно, а диван-кровать. Девочка выросла, осенью в школу пойдет, пусть спит удобно. Ставить вторую кровать не хотелось, а диван как-то украсит их скромную обстановку.

Оплатили они покупку в магазине, отгрузили и по адресу отправили. Сами поехать в этот день не смогли.

К вечеру кто-то постучал в дверь. Глазенки Маринки засветились. Не отец ли? Стук был сильный, требовательный. Мать открыла дверь.

— Здесь Светлана Петровна Якушева живет? — спросил мужчина. — Родители вам подарочек просили доставить. Диван-кровать. Все оплачено, прошу принять!

Светлана спустилась во двор. Помогала шустрому шоферу впахнуть диван в лифт. С коридорной площадки волоком втащили его в комнату.

— Куда ставить?

— Вот сюда. — Светлана показала рукой к стенке.

— Сюда так сюда, — подмигнул шофер Марине. — Раздва — взяли! — И диван встал на место.

Маринка как замороженная смотрела на сильного, ловкого и веселого человека, а когда он стал уходить, спросила:

— Дяденька, а как вас зовут?

Мужчина посмотрел на девочку, погладил по голове. Окинул взглядом комнату и, не ответив на вопрос, только нажал пальцем на кончик носа Марины, вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

— Вот бы тебе такого мужа! — со вздохом произнесла Маринка. — Веселый, добрый, тебе помогал бы. — И тут же совсем неожиданно задала вопрос: — А кто красивее — наш дедушка или этот дядя?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, что дедушка. Он же родной!

Их семейный бюджет сократился. Светлана стала аккуратнее считать деньги, отказывать кое в чем себе, больше тратить на питание для Маринки. Девочка вытянулась, изменилась, глаза, с отражением синего неба, стали задумчивыми, плечики заострились, тонкие светлые косички спустились ниже плеч.

На следующий день после вторжения в их квартиру дивана прикатила бабушка. Маринка обрадовалась ее приезду, повисла на ней, звонко целовала в щеки.

— Хватит, хватит, не то задушишь! — взмолилась бабушка. — Вот ведь какая большая выросла!

Матери дома не было. Бабушка никогда не приходила с пустыми руками. Обе пошли на кухню, поставили сумку на табуретку и стали выкладывать пакеты.

— Что же у нас сегодня на обед? — спросила бабушка.

— Суп и гречневая каша. Мама говорит, что в гречке фосфор, а это для меня полезно.

Марина подошла к окну, где в баночке прорастал лук, сорвала несколько зеленых перышек, положила на стол. Бабушка тем временем подогрела на плите суп, налила себе и Марине. В тарелки наложила горячей, вкусно пахнущей каши, сверху полила растопленным сливочным маслом. Маринка с удовольствием жевала лук, заедая его супом. Потом перешла к компоту.

— А кашу почему не ешь?

— В общем-то я ее люблю, только больше с котлетами, — ответила Маринка.

— А сосиски сгодятся? — И бабушка полезла в холодильник.

— Сгодятся, сгодятся, — обрадовалась Маринка. — Вари, я их тоже люблю!

Через несколько минут сосиски были готовы. Александра Ивановна молча смотрела на Маринку, как та уплетает кашу с сосисками, и сердце ее сжималось до боли. Тянется девочка, как колосок тоненький. Болеть часто стала, вместо детского сада дома сидит, а присмотреть за ней некому. Хотела было ее к себе взять, так Маринка отказалась: «А маму на кого оставим?» Вот и приезжает иногда девочку обедом покормить да кое-что из продуктов прихватит. Устает Светлана после работы по магазинам бегать, не всегда успевает чем следует заpastись.

Марина посмотрела на часы и ахнула:

— Ой, как быстро стрелки бегут! Ты не останешься ночевать у нас?

— А что?

— Мне так хорошо, когда ты у нас, что даже кажется, что я у вас.

— Дедушку одного оставлять боюсь — как ушел на пенсию, так и на сердце жаловаться стал. Вас с мамой двое, а он там один. Да вы приезжайте к нам на выходной день! Я пирогов твоих любимых настряпаю. Маме скажи, что я кое-что в холодильнике оставила. Дня на три вам хватит.

— Спасибо, бабушка! Ты у меня самая-самая добрая на всем белом свете.

Светлана вечером пришла домой, уставшая и промокшая. Вызовов было много, а дождь как полил с обеда, так до вечера и не остановился.

Стряхнув плащ, она повесила его на вешалку. Сняла промокшие туфли и засунула ноги в теплые меховые тапочки, купленные когда-то в Кисловодске во время отпуска. Сразу стало тепло, по-домашнему уютно.

На диване, свернувшись клубочком, спала Марина. Свет настольной лампы бил ей прямо в лицо. Она боялась вечером быть одна и зажигала свет.

Светлана на цыпочках подошла к дивану, присела на край. Девочка открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого света. Мать нажала на кнопку, лампа погасла. Свет от уличного фонаря проник в комнату, разлился мягким полумраком.

Маринка откинула в сторону плед, которым была накрыта, приподнялась, села к матери на колени и обхватила ее за плечи цепкими, худенькими ручонками. Зевая, еще не совсем отойдя от сна, она таинственно прошептала:

— Мамочка, давай всю жизнь будем вдвоем, никого нам не надо!

— Почему же!

— Ты же видишь, сколько на улице пьяных, а у них ведь тоже дети есть, жена. Так зачем же нам такие!

«Неужели ей сон приснился?» — подумала Светлана. Застигнутая врасплох детской непосредственностью, она не сдержалась, и слезы тихо потекли по ее щекам.

— Мамочка, почему ты плачешь, разве тебе со мной скучно? Пойди сходи в кино. Я телевизор буду смотреть. А хочешь, я тебе сказку расскажу? Ее Генка в садике рассказывал.

— Ну, расскажи!

— Идет по лесу цыпленок, а навстречу ему волк.

«Цыпленок, цыпленок, я тебя съем!» — говорит волк.

«Съешь лучше моего папу, а то я еще маленький», — ответил цыпленок.

«А где твой папа?»

«Пойдем, я тебе покажу», — ответил цыпленок. Дошли они до забора, цыпленок раз — и нырнул под забор, а там полно таких же цыплят бегают. Волк даже растерялся.

«Где же твой папа?» — кричит сердитый волк.

«А я инкубаторский!» — ответил цыпленок и убежал. — Она рассмеелась. — Генка говорит, что мы в детском саду все инкубаторские.

Светлана вытерла слезы и, улыбаясь, стала гладить Маринку по голове.

— Цыпленок ты мой, цыпленок! Вставай, ужинать будем. Я торт купила.

Маринка от радости запрыгала на диване.

— Я сегодня с бабушкой обедала. Она там что-то в холодильнике оставила, велела тебе сказать.

Пока мама возилась на кухне, Маринка достала чашки, поставила на стол и включила телевизор. Транслировали сольный концерт Муслима Магомаева. Он был в черном фраке, в белоснежной рубашке с черной «бабочкой». Ему то и дело подносили букеты, корзины с цветами ставили у рампы.

Маринка отламывала маленькие кусочки торта, клала в рот и долго с удовольствием облизывала ложку, прежде чем запить чаем. Неожиданно для матери она вдруг заявила:

— Давай возьмем его в папы!

— Не болтай глупости. Ты только что говорила, что нам и вдвоем хорошо.

— Говорила. Так я говорила про плохих, а этот же хороший?

— Наверное.

Раздался звонок в дверь. Маринка подбежала первой и спросила:

— Кто?

Обернувшись к матери, прошептала:

— Якушев пришел. Пускать или не пускать?

— А как ты думаешь?

— Давай пустим,— подумав, ответила Маринка и открыла дверь.

Игорь Якушев приходил редко. В основном в день зарплаты приносил алименты. Так они договорились со Светланой. Инициатива была его, чем она объяснялась, неизвестно.

За месяц, что Якушев не был, он сильно изменился. Веки отяжелели — то ли пьет, то ли работает по ночам над чертежами. Живет у прежней хозяйки. Говорят, она родила ему сына, но брак еще не зарегистрирован.

Вот и еще один «инкубаторский цыпленок» появился. Взрослые, помышляя только о себе и своих интересах, не задумываются над тем, что сеют зерна, которым трудно прорасти в одиночестве. Из них растут хилые, надломленные колоски. Малыши страдают от отсутствия рядом сильного человека, который в любую минуту мог бы защитить их. А ведь в будущем, может статься, этот человек и не захочет подать тебе руку помощи.

Якушев хотел было взять Марину на руки и, как делал раньше, подбросить под потолок, но она отстранилась. Тогда он протянул ей коробку конфет.

— Не надо мне, у нас есть, — суровым тоном отказалась Марина. — Отдай их своему сыночку!

Якушев совсем растерялся. Он смотрел на Светлану и ждал защиты.

— Спать пора, — ласково сказала мать и повела Маринку укладывать спать. — А ты, Якушев, раздевайся и садись, — сухо предложила она Игорю.

Пока взрослые говорили, Маринка уснула, а утром, собираясь в детский сад, она не забыла спросить:

— О чем вы вчера говорили?

— Просит простить его. Снова к нам вернуться надумал.

— А ты что сказала?

— Ничего. Как ты скажешь, так и будет.

— Знаешь, что я думаю? Не стоит его прощать. Ведь он так тебя обижал! Останемся лучше вдвоем, — серьезно ответила Маринка.

— Хорошо. Собирайся побыстрее, а то я на работу опоздаю. Вечером я найду за тобой, и поедем к бабушке с дедушкой.

— Ура! — закричала Маринка и стала одеваться.

На этот раз Светлана освободилась раньше обычного. Надо было зайти за дочкой, забежать домой, взять кое-что и ехать к родителям. Впереди два свободных дня. Давно не была она у родителей. Надо заглянуть в «Детский мир», примерить Маринке школьную форму да и просто так походить по знакомым с детства улицам. Сколько лет прошло, а школа нет-нет да и приснится, звонкий школьный звонок утром разбудит. Видно, правду говорят: «Счастливая пора детства!» «Бывает ли другое счастье и долго ли оно длится?» — не раз задумывалась Светлана.

С хорошим настроением пришла она в детский сад. Маринка не сразу к ней бросилась. Мать забеспокоилась: не заболела ли, не обидел ли кто? Прижалась губами ко лбу дочери. Нет, температуры не чувствуется.

— Что случилось, Мариночка? — спросила Светлана.

— Ничего, мамочка. Ты пойди погуляй немножко. У нас сегодня на ужин блинчики с вареньем, а я их так люблю!

Сейчас захотелось блинчиков с клубничным вареньем, а что потребует она завтра? Как много недостает ей! То ей нужен отец, хоть чужой, то вдруг своего жалеть начинает.

Человеку, как видно, всегда чего-то не хватает. Никто не предскажет, где и когда произойдет поворот в твоей жизни.

Нельзя остановить время, выпросить хотя бы несколько дней для размышления, чтобы все обдумать, взвесить и правильно, на всю жизнь, решить. Как трудно бывает решить: да или нет?

Светлана верила людям, как себе. Нагадай ей гадалка то, что случилось, никогда не поверила бы.

Свое одиночество Светлана ощущает дома, после того как уложит Маринку спать. На работе, в коллективе чувствует себя нужным и полезным человеком.

Не умея с любопытством вглядываться в людей, погруженная в свои думы и заботы, она тем не менее была объектом пристального внимания окружающих. Но об этом позже...

Приехав к бабушке, Маринка тут же шепнула ей:

— Вчера Якушев приходил!

— Что ты лезешь не в свое дело? — с раздражением заметила мать. — В конце концов это — мое личное дело.

— Какое же личное, если это жизненно важный вопрос? — ответила Маринка.

— Тебе, во всяком случае, рассуждать об этом рано. Подрасти немного.

— Вот и пойми вас, взрослых: то я уже большая, то мне еще рано! — обиделась Марина.

— Кое до чего ты доросла. До школы, допустим. А в некоторых вещах тебе еще разобратся сложно, — стала успокаивать ее бабушка.

— Тихо, девчата! — вмешался Петр Борисович, заслышав спор на кухне. — Если вопрос такой уж важный, то надо все обсудить спокойно.

За обедом все уселись на свои места по давно заведенной традиции. Петр Борисович во главе стола, Александра Ивановна — напротив. Маринка с матерью — друг против друга.

Александра Ивановна поставила возле себя супницу и разлила каждому по тарелке домашней лапши с курицей, от одного запаха которой у Маринки потекли слюнки.

На второе были котлеты с хрустящей, зажаренной в виде соломки картошкой, а на третье — слоеный пирог с яблоками, любимое лакомство Марины.

Чай заваривал сам дедушка. Он уверял, что женщины его просто переводят. Чай должен иметь свой особый аромат и цвет солнца. Выпьешь стакан такого чая, и мысли в голове светлеют. Он брал три железные коробочки, из каждой насыпал по ложке в чайник и заваривал крутым кипятком. Выдер-

жав десять минут под стеганой грелкой — «Купчихой», с особым удовольствием начинал разливать чай по чашкам, сам же пил только из стакана в серебряном подстаканнике, подаренном ему в день свадьбы.

После обеда Маринку выпроводили во двор поиграть с подружками. «Ладно, — сказала она, — пойду, если я вам мешаю!»

После ее ухода Светлана пересела в кресло напротив телевизора, сжала пальцы рук в замок и заговорила:

— Мне надо с вами поговорить. Я прошу у вас прощения... Да, да! Я перед вами виновата. Тогда мне казалось все просто: встретила, полюбила, привела, расписались. Самоуверенная девчонка! Думала, если красивая внешность, значит, красивая и душа. Верила, что в человеке все должно быть прекрасно... Должно! Но не всегда бывает. Только позже я узнала, что это был за человек. Глупые девчонки! Сначала мы любим за глаза, красивую внешность, за умение одеваться, легко танцевать, красиво говорить и лишь позже замечаем все остальное... Родилась я первого апреля, вот и обманулась! Многие я в Якушеве замечала, да принимала за временное, наносное. Думала, что это пижонство. Все с мелочей началось, а закончилось вон как. Многие я ему ради Маринки прощала, не хотела девочку без отца оставлять, но после того, как он на меня руку поднял, сказала: хватит! Сколько ночей проплакала, только подушка знает. Сейчас все утихло, растаяло, один холодок внутри, как после мороженого остался.

Светлана старалась не смотреть на родителей, понимала, что немало здоровья у них отняла. Ей трудно было решиться сообщить весть, с которой она приехала.

— Вы только не пугайтесь. Я должна вам сказать кое-что. Хорошее, мама, хорошее, не волнуйся! Один человек сделал мне предложение.

Мать так и всплеснула руками. Отец, зная характер дочери, не сказал ни слова, только полез в карман за сигаретами.

— Кто же он такой? — чуть слышно спросила мать.

— Да вы его знаете! А возможно, и забыли уже. Шофер. Он нам диван привозил. Правда, теперь он у нас водителем на «Скорой» работает.

— Врач и шофер... Как же это получается? — удивилась мать. — Вы же с ним разного поля ягоды.

— Не сказала бы. А вообще-то Маринке он сразу тогда понравился, а я его в первый раз даже как следует не разглядела. Вчера действительно Якушев приходил, прослышал что или сам по себе прибежал мириться. Я уже хотела простить, пусть родной отец ребенку будет, да дочка напомнила: «Не надо нам его, — говорит. — Пусть со своим сыночком живет».

— Нашла у кого совета спрашивать, мала она еще! — в сердцах проговорила Александра Ивановна.

— Погоди, не спеши! — остановил ее Петр Борисович. — Дети — они как барометр. Хорошего человека всегда чувят. Мужа-то Светка может найти, а тут еще отец ребенку нужен. Непростое это дело! Ты говоришь, он у вас работает? — обратился Петр Борисович к дочери. — Ради чего же он калымные денежки бросил и с доставки мебели на «Скорую помощь» перешел?

— Он говорит: из-за Маринки. Еще в тот раз, когда диван привозил, она его спросила: «Дяденька, как вас зовут?» Не знаю — сам ли понял, узнал ли от кого, что у девочки нет отца. Ко мне стал присматриваться, что одна да одна. А вообще-то так было. Собралась я на срочный вызов, подали машину, села и ахнула: «Здравствуйте! — говорит. — Вы меня помните?» Отвечаю: «Помню», — и, честно говоря, удивлена была. «Что вы здесь делаете?» «Как видите, работаю. В тот раз я не представился, давайте знакомиться. Меня зовут Евгением Вороновым. О вас, доктор, я все знаю».

Так мы с ним и ездили на вызовы, а однажды он дождался, когда я домой пошла, догнал и прямо сказал: «Возможно, не совсем я подходящая пара для вас, но после первой встречи не выходите вы у меня из головы. Девчужка ваша всю душу расшевелила. И глаза у вас тогда были такие грустные, точно не в дом я вам вещь привез, а из дома забираю. Потом узнал, что... Тут я еще больше о вас думать стал. Бросил свою работенку, поступил на работу в районную «Скорую помощь», поближе к вам. Заодно на заочное отделение автодорожного института подался. Анкета моя чистая. Холост. Двадцать восемь лет. Очень люблю детей, нас у матери четверо было. А больше всего вы мне нравитесь...»

— Решительный парень! — заметил отец.

— А ты-то как сама думаешь, по душе он тебе? — спросила мать.

— Думаю, мама. Задал он мне задачу.

— Ты ведь доктор, доченька, с высшим образованием, а он только и знает баранку крутить, — настаивала Александра Ивановна.

— Я, между прочим, тоже не с высшим образованием родилась. Выучится и он. Добрый, книг много прочел, в искусстве разбирается. А что не девушку, а вдову соломенную с ребенком встретил, так он не первый.

— Смотри-ка, все узнала: и добрый, и книжки читает, и по музеям находилась!..

— Узнала. Первый раз, не разобравшись, ошибку допустила, второй не будет. А больше всего мне дружба Маринки с ним нравится. Она его уже заставила водить ее в детский сад. Идут, оба гордые. Маринка крепко его за руку держит и все по сторонам головой крутит: видит их кто или нет?

С улицы вернулась Марина.

— Ну что, обо всем договорились? — серьезно спросила она.

— О чем?

— Как о чем? Об отце, о дяде Жене. Я уже в детском саду сказала, что у меня папа Женя есть.

— А кто тебе разрешил?

— Как кто? Он сам.

— Сорока ты и есть сорока! — потрепал ее дед за косичку.

— Мамочка, а можно, когда ты будешь замуж выходить, я тебя за руку держать буду?

— Ишь ты, опора какая нашлась! — воскликнула бабушка.

В воскресенье к Громовым пришел сам жених. Внешне он был очень похож на Светлану. Светловолосый, светлоглазый, с ямочками на щеках. Оба — вылитые брат и сестра! Недаром Маринка спрашивала у матери: «Кто красивее, дедушка или дядя, который диван привез?» Девочка тогда еще заметила сходство и видела Воронова через деда, только объяснить не могла, а Светлана сама на отца похожа. Вот и замкнулся круг.

В старину говорили: «Если муж с женою схожи, то и жизнь, будет хорошей». Очень хотелось Светлане верить в это.

Свадьбу решили не откладывать. Завтра заявление подадут, а там и день назначат.

За ужином Громов хитровато прищуривал глаза и, поглаживая усы, наблюдал за будущим зятем. По тому, как дед посмеивался над проказами, которые творила Маринка с будущим отчимом, а тот поддавался ей, чувствовалось, что Воронов ему нравится.

«Не боги горшки обжигают, — решил про себя Громов. — Не обижал бы внучку, а там свои дети пойдут, все перемешается».

Гости пожаловали с молодоженами прямо из загса, только родственники Воронова приехать не смогли. Живут они на Байкале, потомственные рыбаки. Отца у Евгения нет, в пугину погиб, а мать с дочерьми на рыбозаводе работают. Что смогли они сделать, так это деньги Евгению на свадьбу прислали да банку малосолевого байкальского омуля. Приехать зимой обещали, тогда и познакомятся.

Невеста с женихом светились от счастья. Как только переступили порог, Маринка бросилась к ним и спросила:

— Что, уже поставили печати? Значит, теперь уже все? Евгений прижал Маринку к себе.

— Все. Теперь не потеряешься. Как спросят: «Чья ты девочка?» — отвечай: «Воронова».

Маринка, довольная, рассмеялась. За столом уселась между матерью и отчимом. Гост за молодоженов сказал Петр Борисович. Кто-то крикнул: «Горько!»

— Мариночка, посмотри-ка что там? — старалась отвлечь внучку бабушка, но та быстро смекнула, взяла со стола пирожок и, подпрыгивая, направилась к двери.

— А ну вас! Думаете, не знаю, что сейчас целоваться будут! — И с этими словами скрылась за дверью.

ЗАМАНИХА

Анфиса проснулась с чувством тяжести на душе. Приснился свекор, которого знала только по рассказам да по фотографии, висевшей на стенке среди множества других.

— Царство ему небесное! — прошептала она с испугом. — К чему бы это?

В детстве Анфиса слыхала от бабки, что покойники снятся к дождю или к снегу либо когда помина ждут. А еще старухи сказывали, будто приснившийся покойничек к себе зазывает. Глубоко запали в память предсказания и вот всплыли.

Анфиса в бога не верила, но все, что передавалось из поколения в поколение, накладывало на нее отпечаток. Вот и вырвалось слово, часто от старых людей слышимое.

Медленно светает за окном. Моросит мелкий осенний дождичек. «Видно, и впрямь приснился покойник к дождю», — решила про себя Анфиса.

Она встала с кровати, где еще посапывая, досматривал свой сон Тимофей, муж Анфисы. Не одеваясь, прямо в самотканой ночной сорочке до самых пят, доставшейся от матери, она направилась к двери. На табуретке стояло ведро с водой, хотела было зачерпнуть ковшом, но, увидев, что воды только что на дне, накинула на плечи платок, подхватила ведро и, тихо скрипнув дверью, вышла во двор.

Было начало осени. Уже забагровела листва на деревьях, зачастили дожди, но еще теплые, прогретые солнцем.

Анфиса любит вставать рано. И частенько доказывает приезжающему к ним на отдых из Владивостока Ивану Трофимычу Маслову, что он многое теряет, просыпаясь поздно.

— Даже дождливое утро хорошо по-своему. Вдохнешь све-

жего воздуха — и разольется по всему телу что-то бодрое, живительное, ни с чем не сравнимое.

— Да где уж нам, горожанам, угнаться за вами! — отшучивается Маслов, рабочий с судоремонтного завода. — Мы погоду больше по крышам домов определяем. Мокрая — значит, на улице дождь, белая — зима пришла.

Анфиса спустилась по ступенькам крыльца, глубоко вдохнула сыроватый воздух и, прямая, словно натянутая струна, направилась к колодцу, подставив лицо каплям дождя. «Пусть умывает, — подумала она. — Вода мягкая, чистая, небесная».

Налетевший ветерок прилепил рубашку к теплому телу, обтянул крутые бедра. Завитки черных вьющихся волос намокли, приклеились к широкому лбу. Было приятно ступать босиком по мягкой мокрой траве. Тонкие стебельки цеплялись за лодыжки, а меж пальцев ног хлюпала прохладная влага.

Во всей деревеньке только у них и сохранился «журавль» — единственная реликвия Барсуковых. Родовой дом сгорел, на его месте выстроили новый, за высоким забором, а колодец уцелел и поит одно поколение за другим своей студеной водой. В деревне так и говорят, что холоднее воды ни у кого нет, да и по вкусу она отличается.

Злые бабы языки об Анфисе болтают: «Глянет, точно холодной водой окатит!» А все оттого, что не будет даром языком трепать и других не слушает.

Любит Анфиса собирать лекарственные травы, корни. Знает, что чем лечить. Этому ее бабка еще с детства научила. Ходили вместе по лугам да по лесам, искали, потом сушили травы и коренья, а из них отвары и настои готовили.

И теперь, как приходит пора, отправляется за «кладом» здоровья. Люди к ней потянулись каждый со своей хворобой. И нарекли ее знахаркой, а бабы Заманихой прозвали — кустарничек есть такой.

Вот и Ивана Трофимыча заманила. Повадился к ним каждый год приезжать и не как все дачники, летом, а осенью, в то время, когда Анфиса заготовку корней делает и настоей приготавливает.

Чего только бабы не плетут! Зато мужики в деревне Анфису в пример своим женам ставят: и красивая, и работающая, и детей кучу нарожала.

Бабы злились:

— Чего в ней хорошего! Идет, словно аршин проглотила!

А было, было в ней что-то такое, что не сразу и разглядишь. Красота шла от движения, от неслышно скользящей по-

ходки, от стройного стана, от проворно работающих рук, от немногословного мягкого говора. Все это она унаследовала от матери, предки которой жили когда-то на просторах донецких степей и неизвестно каким образом занесло их на Дальний Восток, в Приморский край.

Анфиса подошла к колодцу, зацепила ведро за крючок и, чуть наклонившись вперед, стала перебирать руками длинную цепочку. Шест медленно отвешивал поклон своей хозяйке. Поприветствовав с добрым утром, вытянул ведро из глубокого, темного отверстия колодца и, слегка раскачивая, плеснул холодной водой на босые ноги Анфисы.

На крыльце показался заспанный Тимофей. Он потянулся спросонья и, посмотрев на Анфису, прокричал:

— Постой! Сколько раз тебе говорить? Не смей таскать воду! — И, высоко поднимая ноги, как бы боясь замочить их о мокрую траву, поскакал к колодцу.

— Оделся бы, одна срамота! — рассмеялась Анфиса, наблюдая, как муж в кальсонах и рубашке навывпуск бежит по двору.

Вместо ведра он подхватил Анфису и, оторвав от земли, закружил вокруг себя.

— Пусти, бугай, раздавишь! — И она, смеясь, стала колотить мужа кулаками по широкой, крепкой спине.

Тимофей чмокнул жену мокрыми от дождя губами и скандовал:

— А ну, марш домой! Смотри, вся до нитки промокла, баловница!

В доме уже проснулись дети. Их было трое — и все мальчишки, один другого меньше. Тимофей гордился ими. Анфиса заявляла: «Буду рожать, пока дочь не появится».

Дети, не успев натянуть на себя одежку, затеяли драку. Младший уселся на полу и заревел на весь дом.

— Максимка, успокой Николку, — сказала Анфиса старшему сыну и прошла за перегородку, где стояла кровать.

Расправила постель, застелила ее вязанным из белых ниток покрывалом, соорудила из нескольких подушек пирамиду. Анфиса сбросила с себя мокрую от дождя сорочку. Крепкое, еще не обрюзгшее в тридцать три года тело отразилось в зеркале шкафа.

Анфиса медленно провела рукой по слегка округлому животу. «Хоть бы девочка!» — подумала про себя. Только она да Тимофей знали, что бьется под сердцем Анфисы новая жизнь. Ходила она всегда аккуратно, и только месяца за три до родов узнавали, что Барсуковы ждут прибавления семейства.

...Тимофей Максимович Барсуков отслужил, вернулся в родное село и осел в нем по-хозяйски, надолго.

За войну погибли два его брата. До него очередь не дошла, малой еще был. Отец с матерью только на него и надеялись: будет кому хозяйство оставить, а помрут, так могиле не даст зарастаи.

Во время службы на флоте Тимофей многому научился, мог бы и в городе где-то остаться, а его по дедовской привычке к земле потянуло.

— Как жить думаешь, сынок? — спросил Максим Поликарпович, когда собрались гости по случаю возвращения Тимофея домой.

— Учиться, батя, решил.

— Значит, в город нацелился?

— А разве здесь ученые не нужны?

— Академик в нашей деревне вроде бы не требуется, — сухо ответил отец.

— До академика мне далеко. Тянет меня, батя, в лесничество — лесоводом вот решил стать.

Отец обхватил рукой широкую спину сына и, повеселев, сказал:

— Это по-нашенски.

— Батюшки! — всплеснула мать руками. — Так ведь он в город уедет, ему же дальше учиться надо, а ты, старый дурень, радуешься.

Отец призадумался, посмотрел из-под седых густых бровей на сына.

— Неучем, мать, только детей можно рожать! А вот вырастить ребенка в настоящего человека трудно, с ним повозиться надо. Долго ждали мы, пока дети повзрастают, долго ждет и лесничий, пока вырастет, зашумит зеленой кроной лес. Иногда и целой жизни не хватит. Без знаний в наши дни лесоводом не станешь. Пуцай учится, ежели надумал.

Тимофей слушал отца, радовался в душе, что тот с ним согласен. Одно плохо, состарились родители: и от долгой жизни и от похоронок, что с фронта приходили. Под семьдесят старикам уже, от него подмогу в доме ждали, а он опять уехать должен. Подумал, подумал Тимофей и вдруг просиял весь.

— Так я от вас и не собираюсь уезжать! — сказал он. И, подойдя к матери, прижал ее старенькое, испещренное морщинками лицо к своему плечу.

— Как же так, сынок? — прошептали ее высохшие, вытянувшиеся в одну линию губы.

— На заочное отделение подамся. И учиться и работать буду.

Глаза матери просветлели. Она поправила сбившийся на голове белый платочек, завязала его на шее двумя узелками.

— Ох, спасибо тебе, сынок! — И, наклонив его голову к своему лицу, поцеловала в лоб.

Зимой заболел у Тимофея отец. Всегда крепкий, как из дуба вытесан был, а тут взял да и свалился. За несколько дней с лица спал, глаза глубоко осели в глазницах, мокрая тряпка, которую мать то и дело прикладывала ко лбу, высыхала быстро.

Врачи определили: двустороннее воспаление легких. Хотели в больницу увезти, но он наотрез отказался.

— Родился я на этой кровати, на ней и помру. Видно, час мой настал. Засиделся я на этом свете. Мои сверстнички давно уж там, а я ухитрился сыновей пережить.

За неделю сгорел Максим Поликарпович. Тихо снесли его на погост и опустили в могилу возле молодой березки. Остались Тимофей с матерью одни в большом доме. Даже сверчок, незадолго до этого появившийся, и тот смолк.

Смерть мужа отобрала у Марии Карповны сразу лет пяток. Чуть заря займется, еле переставляя ноги, опираясь на посох, ковыляет она к могиле мужа на поклон. Придет к небольшому холмику, упадет к нему головой и говорит:

— Зачем же ты меня покинул, Максимушка? И почто я раньше тебя не померла, за что ты меня так наказал? Лежали бы сейчас рядышком, как всю жизнь прожили. Господи, забери ты меня и положи рядом с Максимом!

Тимофей не трогал мать. Пусть поплачет. Надо иногда человеку выплакаться, а они как-никак полвека вместе по земле прошагали.

Сам Тимофей ходил сумрачный. Глядел на мать — и сердце щемило. Горе отодвинуло сына на второй план, словно забыла она о нем, горько причитая над могилой.

После сорока дней Тимофей сказал, что в город едет. Она вздрогнула, как бы проснулась от долгого сна и посмотрела на сына помутневшими глазами.

— Тимошенька, неужто и ты меня покинуть надумал?

— Нет, мама, сессия у меня.

— А я уж решила — совсем, — вздохнула Мария Карповна. — Тебе бы жениться. Вон сколько невест подросло. Дети пойдут, гляди, и я еще сгожусь.

Время, что вода в реке, не стоит на месте. Не только с дипломом техника-лесоведа, но и с женой вернулся Тимофей Барсуков в отчий дом.

Всего на два года Анфиса старше Тимофея, а горькую чашу судьбы испытать успела. Красив, умен, при должности был первый муж. Всем, кажется, под стать Анфисе, а вот не ужились.

Любил Краснов на каждом слове себя восхвалять. Что ни слово, все «я» да «я». Фамилию свою и то расшифровал в свою пользу: Краснов — красный, красен, красавец, чего только не придумывал. Красовался собой и перед зеркалом, и перед людьми, и перед Анфисой, одного себя любил и ценил. Надое-ло ей все это, она ему однажды и выпалила:

— Иди-ка ты, поищи себе Василису Прекрасную! Пусть она тебя уму-разуму научит, а я и без твоей фамилии буду де-ва-краса! — Собрала свою одежку и вернулась к родителям.

Устроилась Анфиса машинисткой в райкоме комсомола. Там и с Барсуковым познакомилась, когда он на комсомольский учет становился. Приглянулась Анфиса Тимофею.

Мария Карповна приняла сноху с оглядкой. Недовольства своего не выказывала, но и объятий не раскрывала.

Вздыхала, приглядываясь к Анфисе.

«Как-никак, а чужой человек, — думала про себя. — Нет бы из своей деревни кого выбрал, здесь каждый известен, а эту кто знает?»

С появлением первого внука сердце Марии Карповны оттая-ло. Засуетилась, забегала, на невестку стала поглядывать мяг-че. Первенца назвали в честь деда Максимом.

Анфиса ходила счастливая, гордая. Расцвела от материнско-го счастья. Угодила мужу. Сказала: «Сына рожу» — и родила. За первым пошли еще дети, так и привязали ее к дому. Одно плохо, ненадолго пережила Мария Карповна мужа...

В этот вечер засиделись допоздна. Приехавший в отпуск Иван Трофимыч Маслов рассказывал о своем судоремонтном заводе.

— Вы на меня не обижаетесь, что повадился к вам каж-дый год? В санатории ездить не люблю, шумно там, а у вас как в родной семье. Дети вокруг бегают, да и заманиха Анфи-сы Тихоновны здорово мне помогает.

— Дом большой, всем места хватит, да и нам веселее, — ответил Тимофей.

Барсукова волновали свои заботы:

— Лес — это как бы большой город, а деревья, как люди. У каждого свой характер, к каждому особое внимание требует-ся. Дерево надо не только посадить, но и вырастить.

Мечтает Тимофей Максимович о теплицах, в которых се-мена быстрее прорастают, а значит, и срок роста самого дере-

ва сокращается. Лесничество их занимается главным образом выращиванием хвойных пород.

Плодоносят хвойные деревья после двадцатилетнего возраста и достигают к этому времени высоты многоэтажного дома. Вот и работают сборщики семян, как верхолазы. Собирают за смену по десять, пятнадцать килограммов шишек. Очистят и получат до двухсот граммов сосновых семян, а для посева на один гектар их требуется килограмм. К тому же урожай хвойных шишек не каждый год бывает. Иногда раз в три года, а то и в пять лет.

— Ложились бы спать! — вмешалась в их разговор Анфиса. — А то завтра просните.

На завтрашний день у каждого свои планы намечены.

На этот раз Тимофей Барсуков снарядил несколько подвод и поехал в тайгу поглубже за кедровыми шишками. Началось шишкование. Женщины за виноградом да за травами разбрелись, а Анфиса с «полюбовничком», как шутя называли в деревне Маслова, за заманихой пошли.

Анфиса впереди по узкой стежке, за ней, приотстав на несколько шагов, брел Маслов. Разговаривали о жизни.

— И какие только повороты в ней не бывают! И свои кочки и канавки. Иногда и гладко, но я считаю, что такой участок невелик, — рассуждал Иван Трофимыч. — Едешь, едешь, трясет тебя помаленьку, где-то выйдешь на прямую, как вдруг снова наскочишь на кем-то брошенный камень — и вновь тебя встряхнет.

Вот так, Анфиса Тихоновна, и у меня было. Ровная дорога вела меня до того дня, пока не прогремел взрыв первой бомбы... Старинное здание горисполкома на соседней улице превратилось в груды развалин.

В шестнадцать лет передо мной выросло первое препятствие, а вместе с ним и кончилось детство. Отец вступил в отряд ополченцев, а нас с матерью и сестренкой эвакуировали в Сибирь.

Через два года и сам попал на фронт. Рыл как-то я окоп, меня сильно контузило, в правом легком застрял осколок, а другой задел «черепок».

Меня отправили в медсанбат, а затем покатилося мое колесо все дальше и дальше от передовой. Кочевал из одного госпиталя в другой. Спасибо людям в белых халатах, они-то меня и выцарапали у смерти из рук.

Анфиса слушала, не перебивала, не задавала вопросов. Они подошли к густым зарослям орешника, круто обвитого диким виноградом. Иван Трофимыч раздвинул руками кусты, вошел вовнутрь, как в шалаш.

— Анфиса Тихоновна,— позвал он.— Смотрите, сколько винограда.

Небольшие гроздья, плотно сбитые из черно-сизых ягод, спускались сквозь листву орешника. Он оборвал несколько, покатав их между ладонями и бросил в рот. Ягоды хрустнули. Иван Трофимыч сморщился и, пожевав немного, выплюнул.

— Ух, черт! Какая кислятина!

Анфиса, оставшись на тропинке, громко рассмеялась.

— Вот так и женщины. С первого взгляда — ягода-краса, а раскусишь — и разочаруешься,— с досадой сказал Маслов, выходя из кустарника.

— Ой ли?

— Так, Анфиса Тихоновна. Не все, конечно, но имеются такие.— И он посмотрел на Анфису.

Она перестала смеяться, пошла вперед. Лучи солнца падали длинными косыми нитями меж деревьев и подсвечивали Анфису.

Синее платье в мелких цветочках плотно облегалo стройную фигуру. На поворотах тропинки Маслов видел, как грудь Анфисы слегка покачивалась в такт движению.

Ускорив шаг, он оказался совсем рядом с Анфисой. Она услышала его громкое дыхание за спиной. Остановившись, резко обернулась к нему. Иван Трофимыч чуть не налетел на нее. Он посмотрел на ее встревоженное лицо и неожиданно для самого себя еле слышно прошептал:

— Заманиха! Заманила, приворожила ты меня! Правду бабы про тебя говорят, сам на себе твои чары да зелье испытываю.

Анфиса устремила на него черные с поволокой глаза.

— Бросьте, Иван Трофимыч, не болтайте чего не надо! Баба рядом с мужиком всегда бабой остается. Закипела в вас кровь от одиночества, вот и не сдержались.

Маслов виновато опустил голову, крикнул досадливо. Анфиса понимающе покачала головой.

— Настояй заманихи и впрямь вам помогает. Лекарство это не одного человека на ноги поставило, от чего оно только не лечит; и от физической и от умственной усталости, и при пониженном давлении его принимают, и при нервном заболевании пьют, говорят, и мужчинам силы прибавляет. Любит мой Тимоша эти капельки, говорит, голова от них проходит...

Анфиса засмеялась, да так просто, что за ней прыснул Маслов. И вся натянутость пропала.

— Идти надо,— сказала Анфиса.— Тут уже недалеко осталось.— Она пропустила Маслова вперед, сама пошла за ним.— Растет заманиха только в наших местах. То в елово-пихтовом

лесу пристроится, а то просто на каменистых осыпях, но только на юге Приморского края. А кто ей название такое придумал, не знаю, только отдала она человеку все, что есть в ней лучшего. Можно сказать, сестрой женьшеню приходится.

Маслов слушал ее, а думал о своем. Не ради свежего настоя приезжает он сюда. Заманиху и в аптеке мог бы купить...

После войны поселился Иван Трофимыч во Владивостоке, на родину возвращаться было не к кому, все погибли. Повстречал молодую красивую девушку, на много лет моложе себя, поженились, а через три года она возьми да «уплыви» с каким-то морячком. С тех пор Маслов живет один, хотя женщины на него виды имеют. Но он после первой «осечки» до женитьбы дело не доводит.

А тут поехал как-то по совету знакомых отдохнуть в деревню и набрел на дом Барсуковых. Понравились гостеприимные хозяева и то, что дом от ребячьего баловства ходуном ходит. Казалось бы, одинокому мужчине тишина ближе, а ему как раз шума-то и не хватало.

Да и он пришелся Барсуковым по душе. Спокойный, непьющий. Отдали ему комнату, где родители раньше почивали, на том и поладили. Нужна помощь в лесничестве — он с Тимофеем, по хозяйству что — Анфисе помогает. А бывает, уедут Барсуковы в райцентр, он с ребятами останется.

Тимофей к нему, как к родному, обращается. «Давай, брат, помоги!» Или: «Пойдем, браток, чайком побалуемся!»

— Хочешь дольше прожить, бросай город и переезжай к нам, подберем тебе работенку не хуже заводской, — предложил как-то Тимофей.

— Подумать надо, — ответил Маслов.

Вот и дошли.

Стряхивая с корней землю, Иван Трофимыч ловко обрубал стебли и листья, усыпанные ломкими игольчатыми шипами, и укладывал корневища на траве.

Солнце поднялось высоко, повеяло нежным теплом бабьего лета. Красивая пора — осень на юге Приморского края. Иногда долго в этих местах стоит тепло, и леса окрашены в яркие красно-оранжевые, желтые цвета.

Вершины скалистых сопок прячутся в густом молочном тумане, медленно стекающем на остроконечные шпильки елей. Чистая роса на траве не всегда просыхает за день.

Обратный путь казался долгим. Шли молча, разговор не клеился. Тяжелые мешки давили на плечи. Остановились передохнуть. Иван Трофимыч собрал разноцветные листья, лежащие на еще зеленой траве, смеясь, подкинул их кверху. Листья, медленно кружась, падали на землю.

Анфисе понравилась его затея. Они смеялись уже вдвоем, запрокинув голову, наблюдали за тем, как листья, подгоняемые течением воздуха, раскачивались из стороны в сторону, а вместе с ними кружилась и Анфиса.

Закружившись, она натолкнулась на Маслова. Он крепко сжал ее в своих объятиях. Анфиса почувствовала тепло его губ на щеке. Она стала вырываться, как совсем рядом, у самого уха услышала:

— Люблю... люблю... люблю!..

Что было силы она уперлась в грудь Маслова, и руки его разжались. Одернув платье, расчесав кольца черных волос и заколов гребенку на затылке, тяжело дыша, проговорила:

— Не ожидала от вас такого, Иван Трофимыч!

— Прости, Анфиса, не сдержался.

— Да уж ладно. Только впредь чтоб... Не то Тимофею скажу.

Она подхватила свою ношу и, не оборачиваясь, зашагала вперед.

Смеркалось, когда они вышли на опушку леса. Через небольшой луг, отделявший деревню от леса, кто-то бежал им навстречу. Сердце Анфисы екнуло. «Беда!» — промелькнуло в голове, и, бросив мешок с заманихой, она устремилась навстречу бежавшему.

Иван Трофимыч узнал в женщине соседку Барсуковых. Поднял мешок Анфисы, поспешил к ним. Издали он увидел, как Анфиса схватилась за голову, заголосила, и они обе побежали в деревню.

У дома Барсуковых собрались все от малого до старого. Стоял шум. Каждый пытался что-то объяснить другому.

Дверь в дом была распахнута, из комнаты доносился плач детей и причитания Анфисы. Переступив порог, Маслов вошел в комнату. На медвежьей шкуре, на полу, лежал Тимофей.

Анфиса, обхватив мужа руками, рыдала на его груди. Трое сыновей, прижавшись друг к другу, стояли возле матери и испуганными глазами смотрели на отца.

Две женщины подошли к Анфисе и с большим трудом оторвали ее от Тимофея. Она сопротивлялась, вырывалась из их рук, снова бросалась к мужу. Наконец удалось увести ее за перегородку и уложить на кровать. Ей дали что-то выпить. Обессиленная от слез, она повернулась лицом к стенке, стала стонать. Детей увела к себе соседка, а Тимофея завернули в шкуру медведя и отнесли в баньку.

Маслов вышел во двор и, подойдя к мужикам, сидевшим на бревнах, глухо спросил:

— Как же это случилось?

Те молча подвинулись, и он сел рядом. Самый старший набил трубку табаком и, выпуская дым, стал рассказывать:

— Поехали мы за шишками. Тимофею Максимовичу нами бы командовать, а он сам любитель по деревьям лазить, так и норovit на самую макушку взобраться. Делал он это ловко, сильный мужик...

Начал, значит, он сбивать шишки шестом, а шест возьми да и зацепись за ветку. Выскользнул из рук и покачивается из стороны в сторону. Тимофей Максимович хотел было поймать, да промахнулся. Так и полетел, цепляясь за ветки, вниз. А тут пень от срубленной браконьерами молодой сосенки оказался... На него-то он и свалился. С высоты двадцати метров летел! Всякое в нашем деле бывает, но такое первый раз видели, прямо головой на пень угодил...

Он закашлялся, выбил трубку о бревно и вновь стал, не торопясь, набивать ее табаком. Помолчали. Было слышно, как в доме стонет Анфиса. На ночь к ней пошли женщины, не могли ее одну оставлять с таким горем.

Маслова позвали на ночлег в соседний дом, где были и дети Барсуковых.

Шли дни. Иван Трофимыч видел Анфису только издали, говорить с ней не приходилось. Сам он не решался переступить порог дома Барсуковых. Анфиса же будто забыла про него.

Однажды вечером, когда деревня наполовину погасила свет и на опустевших улицах залаяли собаки, она пришла к соседке и сказала, чтобы вышел к ней Иван Трофимыч.

На дворе ярко светила луна. Маслов появился на крыльце в накинутом на плечи пиджаке. Заметив Анфису, сидевшую у ворот на скамейке, он быстрым шагом направился к ней. Она жестом пригласила его сесть рядом.

— Не ждали, Иван Трофимыч? — тихо спросила она и, как бы стыдясь своих слов, отвернулась от Маслова.

— Ждал, — ответил он. — Еще день — и сам бы пришел.

— Как же! Проститься надо...

— И проститься, ведь уезжать пора, и сказать кое-что.

— Утешить вдову добрым словом решили.

— Не угадали. Утешитель я плохой, коль до сих пор не зашел к вам, а сказать есть что. — Он сделал паузу. Начал было говорить, но занулся, и опять наступила пауза. Наконец, собравшись с духом, выпалил: — Тимофей погиб... Жить на-

до. Время лечит. Если решитесь еще раз замуж, не идите ни за кого другого...

Она не дрогнула от его слов, не сбежала, чего он боялся. Наоборот, повернулась к нему, посмотрела в глаза.

— Были бы вы чужой человек, может, и вышла. Ведь он вас словно брата принимал, как же я после этого могу?

— Какой же я брат!..

Она замолчала, скрестила руки на коленях, и он видел, как они дрожат.

— Сдружились мы с Тимофеем Максимовичем, это верно. Деловой был человек и семьянин прилежный. Приезжал я к вам действительно, как к своим, и вдруг все разом оборвалось: и его нет, и для меня дорога сюда закрылась.

— Хороший вы человек, Иван Трофимыч, да, видно, каждому из нас придется по-своему век доживать.

Плечи Анфисы задрожали. Она отвернулась, пряча слезы. Маслову стало жалко ее, Тимофея, себя.

— Зачем же так, если все может быть иначе?

— Возможно, у вас и может, а мне не дозволено. Трое у меня на дворе бегают, да под сердцем четвертого ношу.

— Не знаю, Анфиса Тихоновна, может, и впрямь ваше зелье колдовское, но полюбились вы мне все — и сама и дети. С радостью бы такую семью своей назвал.

— Верю, что любите, а я вам тем же ответить не могу. То ли годы не те, то ли Тимоше все отдала. Да и дети, как же они величать вас будут?

— Дети-то? Как заслужу. Дети быстро растут, поженем, сами дедом с бабкой станем.

— А внуки? — слегка улыбаясь, спросила Анфиса.

— Вон куда далеко шагнула!

— А как же! Дети как были, так и будут детьми Тимофея Барсукова. Внуки тоже его, Барсуковы. Выходит, я одна чужая всем стану, а вернее, вашей называться буду. Возможно, в городе проще на это смотрят. Там женщины замужние фамилию свою девичью оставляют, а у нас так не заведено. Вышла замуж за Тимофея, так и будут звать Тимофеевой женой.

Маслов пытался доказать ей: он и детей усыновить готов, и Тимофеем научит их гордиться, и своих займать не прочь. Если надо, он подождет, сколько того требуется.

— Думаете, мне легче вашего? Бабы и те осуждают. Гляди, мол, упустишь — не вернешь. К вам они давно уже пригляделись, привякли. Да и я умом понимаю, что жить дальше надо. Детей ставить на ноги одной нелегко, а согласиться не решаюсь. Наверняка есть и у вас в городе женщина, без этого мужчине не прожить, зачем же я ей дорогу загораживать буду?

Как видно, спета моя песня. В природе и то нашей сестре отводится всего лишь одна неделя на тихое бабье лето.

Хотите, приезжайте к нам, как и раньше, всегда рады будем. А замуж... замуж не пойду.

Откуда-то с речки донесся тихий, печальный голос:

Не терзай, не томи ты себя,
Я сама виновата немножко,
Позабыв, что давно уж не та,
Чтоб смотреть на чужое окошко.

— Эх, Заманиха, Заманиха! Далеко же ты меня заманила. Прямо как хозяйка Медной горы. Только конец другой придумала. Не прошусь я на волю, не к кому мне идти, с тобой остаться желаю, а ты меня прочь гонишь. Ведь не лез же я к тебе со своей любовью раньше, когда видел, что тебе с Тимофеем хорошо. Один раз только сорвался, сам не знаю, как и получилось!

— А зачем говорить было? Я и так догадывалась. Женцина без слов поймет, когда мужчина к ней сердцем тянется. У вас глаза, как зеркало, в них все отражается. Прости меня, Иван! — ласково сказала Анфиса. — Не хотела тебя обижать, притворялась, что не догадываюсь. Вот и сейчас настойку принесла, знаю, что уезжать собираешься. — И она протянула ему пузырек.

Похолодало. Луна перекатилась с одного конца деревни на другой. Еле-еле занималась заря.

Они сидели, и никто не решался первым встать. Думали о том, что вот сейчас разойдутся и больше никогда не увидят друг друга.

Маслов сбросил с себя пиджак, осторожно накрыл им плечи Анфисы. Слегка придвинувшись, одной рукой он обхватил ее за талию и привлек к себе.

Анфиса почувствовала, как все в ней размякло, лицо запылало жаром. Что-то перевернулось внутри и больно толкнуло в живот, как бы напоминая о своем присутствии.

Она не отшатнулась от Маслова, наоборот, прильнула головой к его плечу и тихо заплакала. Иван Трофимыч замер от неожиданности. Она плакала все громче и громче, так, как плачет ребенок, когда его жалеют. Он осторожно прижал ее к себе, боясь спугнуть это мгновение.

Думал ли он когда, что все вот так обернется? Значит, судьба все заранее уготовила. Столько лет он шел к своему счастью и не предвидел, что оно так дорого ему достанется...

— Когда же мне приехать? — тихо спросил Маслов.

— Не знаю... Приезжайте, как всегда, осенью,— вдруг снова перешла на «вы» Анфиса.— За год многое может измениться. Одним годом больше, одним меньше, для меня уже не имеет значения. Это когда тебе восемнадцать, тогда спешишь. А вам, Иван Трофимыч, есть о чем подумать. Сможете ли такую ношу на себя взвалить, да и достойна ли я такого внимания?

Анфиса скинула с плеч пиджак, отдала его Маслову, сама резко повернулась, чтобы уйти побыстрее, но вдруг передумала. Шагнула к Ивану Трофимычу, обвила руками его шею и крепко, трижды поцеловала.

— Спасибо вам, добрый человек. И за светлую память о Тимоше спасибо.

Маслов не успел опомниться, как она выпустила его из своих рук, и он услышал шуршание пожелтых листьев под удаляющимися шагами Анфисы.

АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА

В последнее время настроение Антонины Сергеевны быстро менялось. То вдруг развеселится и развеселит окружающих, то неожиданно делается сумрачной.

Муж посоветовал обратиться к врачу. Нехотя прошла она диспансеризацию: ничего не обнаружили, просто нервишки пошаливают. Пройдет, сказали врачи. Гимнастика, душ, прогулки на свежем воздухе.

Сегодня Антонина Сергеевна в хорошем расположении духа. Домашние с удивлением поглядывали, как она перед зеркалом с легкостью двигается в такт музыке, льющейся из транзистора.

— Похоже, у тебя начинается вторая молодость,— улыбнулся сын, поглядывая, как ловко мать танцует.

И муж с восхищением оглядел жену.

— Можно подумать, ты влюбилась.

Антонина Сергеевна обернулась к нему и улыбнулась.

— Угадал. Влюбилась! — полусерьезно, полусхутом ответила она, расчесывая короткие, пышные седовато-голубые волосы.

— Мне давно известно,— как можно сдержаннее парировал муж,— любишь, когда за тобой ухаживают.

— А тебе будет приятнее, если на меня никто не обратит внимания или скажет: «Какая у Володина жена уродина!» — рассмеялась Антонина Сергеевна.— Да, я люблю, ког-

да мне делают комплименты. Люблю, когда оборачиваются вслед и, если хочешь, люблю, когда целуют ручки. Я не знаю женщины, которой все это неприятно.

— Да и я не отрицаю, что ты мне нравишься такой, но за последнее время ты как-то преобразилась... В твоём возрасте женщины часто сходят с ума и начинают увлекаться.

— В твоём возрасте,— перебила его Антонина Сергеевна,— это случается не реже. Скажи, пожалуйста, для чего ты стал красить волосы, в то время когда я этого не делаю и хожу седая? Кстати, должна сказать, как я перестала краситься — только слегка подсиниваю волосы, все знакомые в один голос убеждают, что мне страшно идет седина! До сих пор считала седину признаком старости, а теперь это модно и, если верить людям, омолаживает меня. Вот я и решила выступить в роли молодящейся бабушки. И знаешь, на меня стали поглядывать мужчины!

— Я к этому уже привык. Всю жизнь защищаю тебя от поклонников,— пробормотал Алексей Александрович.

Он взял газеты и поудобнее устроился на диване.

— Послушай, Алексей, отпусти меня в Ленинград! Ужасно тянет посмотреть белые ночи. Каждый год собираюсь, время идет, а я так и не видела их по-настоящему. А как хочется побродить по пушкинским местам...

— Поезжай. Возьми кого-нибудь из детей! Не будешь же ты одна блуждать ночью по набережной Невы или ездить за город?

— Ты прекрасно знаешь, что у них другие планы. Дети едут к морю.

— Прекрасно! Поезжай и ты с ними. Я с удовольствием поплавал бы, если дадут отпуск.

— Море, море! Помнишь, как мы ездили в Сочи? Дети были маленькие, мы брали их с собой. Правильно говорят: «Маленькие детки — маленькие бедки!» В Ленинград они со мной не поедут, были не раз, а море в жару противопоказано мне. Значит, остается дом... Мне помнится, ты собирался в командировку?

— Да, но сейчас у меня другие дела.

На этом обсуждение поездки закончилось, погасло у Антонины Сергеевны и ее радужное настроение.

Однажды в метро вдруг кто-то окликнул Антонину Сергеевну. Она не сразу догадалась, что обращаются к ней. Кто-то бежал по эскалатору вниз и, чуть не сбив ее с ног, сгреб в охапку.

— Тонька! Милая Тонечка, ты ли это? Ну просто глазам не верю! Сколько мы с тобой не виделись?

Антонина Сергеевна сразу узнала свою подругу детства, Машу Водяхину, тихую долговязую девочку, с которой училась в школе. Маша была без особых талантов, если не считать баскетбола. Здесь ее считали «королевой».

Школа, школа, как это было давно! Сейчас все выросли, окончили институты, обзавелись семьями.

— Машенька! Откуда ты взялась?

— Сверху. Еду, глазею на людей и вдруг себе не верю: ты или не ты? Вот и скатилась.

После школы Антонина Сергеевна пошла на филологический факультет, за ней потянулась из солидарности Водяхина. После института повыходили они замуж и разъехались в разные края. Изредка переписывались, встречаться не доводилось. Антонина Сергеевна больше жила на Дальнем Востоке, а Маша осела в Москве.

Вышли из метро, поймали такси и покатали к Антонине Сергеевне.

— Квартирка у вас отличная,— заглядывая из комнаты в комнату, заметила Маша.— Давно в Москве?

— Второй год.

— И чем же занимаешься?

— Обслуживаю генерала.

— Что ты говоришь! Алексей уже генерал! Вот время летит! Ну что же, служить при такой персоне почетно.

— А твой как? — спросила Антонина.

— После демобилизации вернулся в институт. В данный момент возглавляет кафедру.

— Тоже неплохо. А сама как?

— Да все в журнале копчу,— и Маша полезла в сумку за сигаретами.— Послушай, идем к нам! Ты же неплохая журналистка. Читала я твои очерки...

— Трудно писать, если муж в начальниках ходит.

— Это почему же?

— Есть людишки с пережитками, на жену начальника смотрят только как на приложение к мужу. Тут хоть лоб разбей, а свою личность проявить трудно, заслуги мужа так тебя и заслоняют.

— Возьми псевдоним и пиши спокойно,— посоветовала Маша.

— Об этом не подумала. Да и с ребятами много времени потеряла, пока в люди вышли.

У Маши детей не было. Она сильно переживала свою бездетность, а взять на воспитание ребенка не решалась.

— Знаешь, Антонина, я чуть было тебя не пожалела за твою пассивность, а вот заговорила ты о детях, и зашевелился у меня червячок зависти. Очень хотелось мужу взять мальчика, да я побаивалась. Сегодня чужой к сердцу прикипит, завтра своего захочется, а куда мне деваться?

Антонина Сергеевна посмотрела на Машу. Та как будто еще выше стала, а все оттого, что расплнела. Лицо пожелтело, похоже, печень пошаливает, лоб, как ножом, морщинками изрезан. Красотой она никогда не отличалась, а сейчас только и есть красивого, что заграничный модный бархатный костюм. Закипел чайник. Уселась попросту на кухне.

— Тоня, ты все же подумай о работе, а я с нашим главным поговорю. Много ли, мало ли ты писала, а в общей сложности к двадцатилетнему стажу подкатывает.

— Наберется. Поговори,— согласилась Антонина.

Вскоре Антонина Сергеевна получила задание от редакции и покатила на Урал за очерком. Ехала в поезде, смотрела в окно и вспоминала свое первое задание.

Застенчивость была отличительной чертой ее характера: упадет какая-то робость — и никак себя не пересилить. А писать надо было о киоскере. Адрес дали, фамилию киоскера. Поехала, а предупредить его не смогла. Подходить было стала к киоску, поджилки затряслись, и язык к небу присох. Повернула назад: может, со второго захода легче будет. Подходит второй раз — опять то же самое. Уж и на третий заход пошла. Тут вдруг представила, как она, не выполнив задания, вернется в редакцию, и редактор отдела (его все боялись, строг был) посмотрит в глаза, как кольнет ими, и спросит: «Ну-с, как дела, молодой человек?» Этот страх пересилил, и она, как в прорубь кинуться собралась, шагнула к киоску. Киоскер как-то опасно смотрел на нее. Она выпалила имя, фамилию, название редакции и то, зачем пожаловала. И тут он рассмеялся. Оказывается, он давно приметил, как она «примеривается» к киоску, и заподозрил неладное.

Они долго и весело смеялись. Потом большими друзьями стали — интереснейшим человеком оказался Константин Петрович... И теперь волновалась, как и в былые времена, страшно: как-никак, а столичный журнал представляет. Материала собрала на целую книгу. Когда села за обработку, испугалась даже. Очерк получился большой, обстоятельный, проблемный. На летучке похвалили. Редактор предложил штатное место, но она отказалась.

Антонина Сергеевна улавливала, что Алексей недоволен ее затеей с работой, связанной с частыми командировками. Да и сама она отвыкла от журналистской оперативности, стала слишком домашняя, но и просто сидеть в домохозяйках ей не хотелось.

Этой весной Володины рано переехали на дачу, и Антонина Сергеевна просыпалась вместе с лесом. Весна пробудила в ней давно забытые чувства, но в новом качестве. Когда прилетели птицы и разнеслись по лесу их звонкие голоса, в Антонине все запело. Строчка за строчкой ложились на бумагу, каждый день рождался стих, в своей юности она их писала.

Стихи получались лиричные, как и настроение самой Антонины. Она писала обо всем, что видит, переживает, и, когда читала их кому-нибудь, то слушатель, помолчав, говорил:

— Знаете, Антонина Сергеевна, ваши стихи не просто слышишь, но и видишь. Они вдруг становятся зримыми, глубоко проникают в душу. Почему вы их не печатаете?

— Боюсь,— откровенно признавалась она.— Я прозаик и поэтом себя не считаю.

— А что, если все же попробовать напечатать? Я знаю многих поэтов, перешедших на прозу. И ничего, справляются. Есть и прозаики, заговорившие стихами,— заметил ей как-то старый друг дома, известный писатель, выступавший во многих литературных жанрах.— Должен сказать, что начинаешь писать только тогда, когда не можешь не писать. Так и поэтом станешь, на мой взгляд, когда душа поет!

И она писала. Рано на заре начинали петь птицы, и, пробуждаясь от их пения, бралась за перо Антонина Сергеевна. Голос, звучавший в ней, сливался с голосом птиц, летел далеко над росистыми травами, поднимался к солнцу и с теплыми лучами спускался на землю.

Ее радовал и трогал мир, которому суждено прожить долгие тысячелетия. Что-то на земле изменится, но жизнь под солнцем будет продолжаться.

Она переживала как бы свое второе рождение. Радовалась и плакала, понимая, что вновь обрела себя.

Антонина Сергеевна любит жизнь, ее неудержимо тянет к себе новое, неизведанное, пусть даже в самом малом. Она не может жить без людей, старается окружить всех вниманием, за что не только муж, но и дети стали ревновать ее к друзьям.

— Неужели вам мало того, что я для вас делаю? — спросила она как-то детей.

— Не забывай, что силы твои уж не те, а ты тратишь их на телефонные разговоры, командировки, переживаешь за каждую написанную информацию. Чего тебе не хватает?

— А известно ли вам, что все это дает мне новые силы? — возмущилась однажды она. — Если хотите знать, скажу больше. Я готова на север к белым медведям поехать — как они там живут? Или послушать, как разговаривают между собой пингвины. Сказали мне однажды, что у них прекрасный слух и они быстро схватывают речь на любом языке, на котором к ним обращаются. Возможно, и мне удалось бы научить их говорить так, как когда-то научила этому вас.

— Нет, с тобой явно что-то происходит! — заметил Алексей Александрович. — Ну, в молодости я еще допускал такое ветрогонство, а сейчас просто не понимаю твоего ребячества! Ты бы лучше подумала о своем здоровье. Отдохни наконец, приведи в порядок квартиру — скоро наступит осень, и будем перебираться в город.

— А мне и здесь неплохо. Свежий воздух укрепляет нервную систему, а смена времен года дает мне материал для стихов...

— Только их еще не хватало! Зачем тратить время, раз ты их не публикуешь?

— Ошибаешься, Алешенька! Их уже печатают и даже хвалят. Говорят, не так уж и плохо!

— Как?!

— А вот так! Ты, наверное, забыл мою девичью фамилию, решил, что я так и родилась с твоей, а я давно печатаюсь под псевдонимом. Спасибо Маше Водяхиной, напомнила, что у меня была своя красивая фамилия.

— Так, возможно, ты и влюбилась в кого-нибудь? — выпалил Алексей Александрович, удивленный услышанным.

— Я уже отвечала на этот вопрос. Влюбилась, — спокойно ответила Антонина Сергеевна. — Кроме того, я вновь нашла себя, и впрямь ко мне пришла вторая молодость.

— Так знай, я его прихлопаю! — заявил Алексей Александрович, так и не поняв, где жена шутит, а где говорит правду.

— Рука не поднимется.

— Это еще как сказать! Так кто он?

— Так и быть, не терзайся, открою тайну, только не хватайся за валидол, — Антонина сделала небольшую паузу. — Его зовут... Володин... Алексей Александрович, — не торопясь произнесла Антонина.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Золотые руки	3
Маринкин выбор	12
Заманиха	29
Антонина Сергеевна	42

Розалия Михайловна Ермольева
ЗАМАНИХА

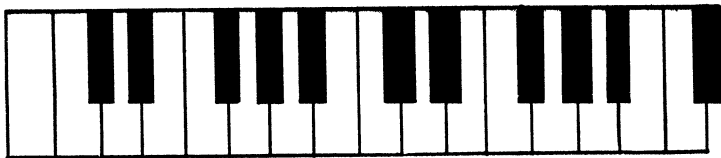
Редактор Л. М. Наточанная.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 22.09.80. Подписано к печати 17.12.80. А 00476.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Новогазетная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,97. Тираж 100 000.
Изд. № 3001. Зак. № 3068. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва. А-137.
ул. «Правды», 24.

НИ ОДНОЙ ФАЛЬШИВОЙ НОТЫ...

В мастерских Рембыттехники
настраивают
пианино, рояли, аккордеоны,
баяны и гармони.

Чтобы настроить рояль или пианино,
мастера можно вызвать на дом.

**НАСТРОЙКА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ —
В МАСТЕРСКИХ РЕМБЫТТЕХНИКИ.**

РОСБЫТРЕКЛАМА